

И. БАБЕЛЬ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Публикация А. Н. Пирожковой. Примечания И. А. Смирна

НА ПУТИ К «КОНАРМИИ»

(Литературные искания Бабеля)

Статья И. А. Смирна

Творчество Бабеля изучено недостаточно. В значительной степени это связано с отсутствием полного издания его сочинений. Даже в наиболее полные сборники произведений Бабеля¹ вошло далеко не все, что было им написано. Ряд его рассказов, разбросанных по журналам и газетам, теперь забыт. Некоторые материалы остались неопубликованными, и многое до сих пор еще не найдено.

Бабель-художник не любил работать «на виду», не любил впускать посторонних в свою творческую лабораторию. Он предпочитал говорить не о планах и замыслах, а о том, что было уже сделано. Взыскательный мастер, он подолгу вынашивал свои произведения и не спешил с их публикацией. Его сжатые, как бы спрессованные рассказы — результат тщательного, кропотливого труда. Работал он неустанно, писал много, но к читателю выходил лишь с теми произведениями, в художественных достоинствах которых был уверен. За редкими исключениями, читатель видел лишь конечные результаты творческих усилий и не знал литературного пути Бабеля во всей его полноте, последовательности, непрерывности. И сейчас при изучении биографии писателя встречаются многочисленные «белые пятна», неясные моменты, неразгаданные загадки, касающиеся и начатых, но не завершенных работ, и времени создания отдельных произведений, и многого другого. Это относится в особенности к раннему периоду писательской деятельности Бабеля (1915—1920 гг.), когда он лишь формировался как художник и, пройдя серьезную жизненную школу, путем сложных литературных исканий шел к созданию «Конармии», которая по праву заняла центральное место в его творчестве.

Рассказы из этой книги, публиковавшиеся в одесской и столичной периодике с 1923 г. и вышедшие отдельным изданием в 1926 г., принесли автору широкую известность. Вместе с тем «Конармия» вызвала и самые разноречивые оценки, и резкие нападки, и большие споры, которые еще нуждаются в осмыслении и не закончились по сей день. Эта книга сразу приобрела и восторженных почитателей и не менее страстных противников, она волновала, обращала на себя внимание, выделялась среди книжной продукции 20-х годов, богатой яркими именами.

Истинное начало своей литературной работы сам Бабель относил к 1924 г., когда в журнале «Леф» были опубликованы его «конармейские» рассказы. В этом сказалась его требовательность к себе, желание начинать «с главного», чем и была «Конармия».

В «Конармии» отчетливо проявились зрелость и самобытность таланта Бабеля, хотя он выступил с этими рассказами как писатель начинающий и мало кому известный. Литературное происхождение этого нового имени терялось в тени. Бабель не был тесно связан ни с одной из существовавших в то время школ и группировок, а его рассказы обнаруживали столько оригинальности, что их автора трудно было заподозрить в каком-либо подражании. Об этой творческой самостоятельности Бабеля много писала критика, отмечавшая также следы известных, хоть и слабо выраженных, литературных влияний — в первую очередь влияние французской литературы, новеллистики Мопассана.

О близком соприкосновении своем с французской литературой еще в школьные годы Бабель рассказывает в автобиографии (1924). Из нее мы узнаем, что он рано «затвердил» французских классиков и с пятнадцати лет начал писать рассказы на французском языке: «Я писал их два года, но потом бросил; пейзажи и всякие авторские размышления выходили у меня бесцветно, только диалог удавался мне»².

О позднейших связях писателя с французской литературой свидетельствует рассказ «Гюи де Мопассан» (опубликован в 1932 г.), где автор «Идиллии» и «Признания» обрисован как фигура, духовно близкая Бабелю. Молодого писателя привлекало языческое, чувственное восприятие мира, свойственное французскому искусству, прославление земных радостей бытия, идущее со времен Рабле. С другой стороны, ему импонировал чисто французский культ художественной формы, литературного стиля. Уроки Флобера, Мопассана, Франса не прошли для него даром. Особое значение для Бабеля имело мопассановское мастерство новеллы. Здесь он мог учиться и лаконичности повествования, и сдержанной, подчеркнuto бесстрастной манере, и умению разворачивать сюжет на острых, парадоксальных ситуациях.

Однако традиции, в русле которых развивался Бабель, не сводятся к французским источникам. В автобиографии названо имя школьного учителя Вадона, которому юноша был обязан знакомством с французской культурой. О своих школьных учителях русской словесности Бабель не вспоминал, но, разумеется, русская литература занимала большое место в формировании его общественных взглядов и художественных вкусов. Недаром в творческих материалах, относящихся к периоду юности Бабеля, мы встречаем имена Гоголя, Тургенева, Достоевского, Льва Толстого. Писателем, сыгравшим в его судьбе исключительную роль, был Горький. Подобно десяткам других советских литераторов, Бабель прошел «школу» Горького, о чем не раз говорил в своих статьях и выступлениях, в частности в мемуарах, посвященных Горькому и принадлежащих к числу лучших в нашей литературе воспоминаний о великом зачинателе социалистического искусства.

С именем Горького был связан литературный дебют Бабеля. В 1916 г. в горьковском журнале «Летопись» были опубликованы рассказы Бабеля «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна».

Встреча с Горьким — крупнейшая веха на творческом пути Бабеля. «Я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Алексея Максимовича с любовью и благоговением», — писал Бабель в 1924 г. в автобиографии. — Он напечатал первые мои рассказы <...> он научил меня необыкновенно важным вещам...»³. «В моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции „Летописи“»⁴, — рассказывает он об этой встрече в 1936 г. в очерке «Начало», посвященном Горькому.

Первые рассказы Бабеля написаны в традициях той демократической литературы, знаменем которой был Горький и которая была представлена не одним десятком имен. В них ясно ощутимы черты, проявившиеся еще в творчестве «знаньевцев» — А. Серафимовича, А. Куприна, раннего Л. Андреева и других. Слышны в них и горьковские интонации. Особенно примечателен рассказ «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна», в котором автор устами главного героя утверждал: «Люди добрые. Их научили думать, что они злые, они и поверили»⁵.

Юмористическое повествование о злоключениях еврея-коммерсанта, нарушившего «черту оседлости» и вынужденного скрываться от полиции у проститутки, было по существу своему направлено на защиту «маленького» человека, против национального и социального унижения и бесправия. Рассказ своей ситуацией живо напоминает

И. Бабель
В. А. Милашев
1933

И. Э. БАБЕЛЬ

Акварель В. А. Милашевского, 1933 г.

Литературный музей, Москва

многие произведения Горького («Однажды осенью», «Мордовка» и т. д.) и других близких ему писателей-демократов, не устававших рассказывать о том, как в самых бесчеловечных условиях пробуждается в людях подлинная человечность и душевная красота. Но нельзя не заметить, что в этом рассказе еще очень слабо проступают черты будущего автора «Конармии». Повествование ведется в пониженно-бытовом тоне, лишенном какой бы то ни было романтической окрыленности, экспрессии. Да и лаконизм здесь еще не обладает той выразительной силой, которая проявилась в позднейших произведениях Бабеля. Он пишет коротко, но не сжато. Его бесстрастная манера пока что напоминает сухую протокольную запись. Крепкой мускулистой фразой он еще не владеет.

Рассказы, опубликованные в «Летописи», — не единственные дошедшие до нас образцы раннего творчества Бабеля. В «Журнале журналов» за 1916—1917 гг. ему удалось поместить еще несколько миниатюр под названием «Мои листки», подписанных псевдонимом Баб-Эль. Некоторые из них значились лишь в оглавлениях: из текста журнала они были вырезаны цензурой. Эти ранние произведения — типичные образцы журнальной «мелочи»: жанровые и психологические этюды, наброски с натуры, очерки, в которых отразились одесские и петербургские впечатления молодого автора.

В «Публичной библиотеке», например, дана зарисовка разнообразных читательских типов; в небольшом, на страничку, очерке воссоздана специфическая атмосфера этого «царства книги» — «собрание усталости, любознательности, честолюбия...» «Мученики книги» или просто отдыхающие и скучающие посетители, фанатики, одержимые неизвестной идеей, скромные труженики или бездельники — они предстают в большинстве случаев как люди с каким-нибудь особенным «пунктом», отмеченные чаще всего какой-то странностью, изъяном, чужаковатостью, гипертрофией тех или иных психологических свойств. «Хорошо бы их описал Гоголь!» — вырывается у автора, и это восклицание до некоторой степени передает основную направленность его писательского взгляда, ищущего в повседневности колоритный «типаж» и зорко подмечающего различного рода жизненные «несуразности», мелкие, но разоблачительные вещественные «улики», с помощью которых — несколькими фразами — раскрываются характер, биография, судьба человека.

Среди произведений, напечатанных в «Журнале журналов», выделяется очерк «Одесса» (1916), своеобразная эстетическая декларация молодого писателя. Русская литература, заявляет Бабель, развивалась до последнего времени под знаком сумрачного, туманного, серого Петербурга, которому противопоставляется Одесса — город моря и солнца, живущий в атмосфере праздничной «легкости и ясности». Радостное, солнечное, романтическое искусство лишь отчасти проявило себя — в «малороссийских образах» Гоголя⁶. Затем исключением из общих правил, предвестником будущего русской литературы провозглашается Горький, который назван «первым человеком, заговорившим в русской книге о солнце, заговорившим восторженно и страстно...». Однако, отводя Горькому роль предтечи — он «самый сильный в наше время», «великолепный и могучий, но предтеча», — Бабель грезит о другом, о русском Мопассане, который выступает здесь в виде писательского идеала, в качестве жизнелюбивого певца солнечной страсти. Эта еще очень незрелая литературная концепция позволяет все же судить о пристрастиях молодого автора. Во многом ориентируясь на Горького, он в то же время намечает для себя задачи иного рода. Горьковский пафос ему представляется слишком рациональным и откровенным, тогда как у Мопассана Бабель не находит рассудочности или, точнее сказать, намеренной тенденции, присущей, по его мнению, Горькому. Горький «не певец солнца, а глашатай истины», он «знает — почему он любит солнце, почему его следует любить». «А вот Мопассан может быть ничего не знает, а может быть все знает...», и этой «скрытности», бесстрастной объективности тона Бабель явно отдает предпочтение.

Темы искусства касается и рассказ «Вдохновение», также напечатанный в «Журнале журналов» в 1917 г. На этот раз Бабеля занимает сам процесс, психология творчества, трудности и парадоксы, лежащие на пути создания художественного произведения. Результат творческого труда не соответствует благим намерениям и субъек-

тивному ощущению героя, написавшего в порыве вдохновения свою первую, гениальную, по его мнению, повесть, которая на самом деле была бездарной. Такова коллизия этого рассказа, позволяющего утверждать, что уже тогда, делая свои первые литературные шаги, Бабель чрезвычайно требовательно относился к искусству писателя, видел в нем напряженную, изнурительную работу, которую не может заменить никакое вдохновение, к тому же оказывающееся сплошь и рядом лишь красивой иллюзией, коварным призраком творческой удачи. Рукопись самонадеянного автора, как поясняет Бабель, «была совсем без помарок», герой явно пренебрегал черновой работой над словом: «Слова в этой повести были скучные, старые, гладкие, как обтесанные деревяшки». Обостренное внимание к слову, языку, стилю, т. е. основной «пафос» Бабеля-художника, раскрывшийся впоследствии столь полно, уже намечен в этом этюде. И в то же время писателя несомненно волнуют трагедия несоответствия между мечтой человека и его возможностями, загадочность самой природы искусства, которое обещает так много и дает так мало, которое ослепляет своего мнимого создателя, заставляет его переживать часы подлинного счастья, восторга и вместе с тем ведет его путем самообмана, не приносящего никаких реальных плодов. Сложность и трудность судьбы художника приоткрывается перед нами на мгновение в этом маленьком опыте ранней прозы Бабеля, как бы предвещающем те мучительные загадки словесного искусства, над разрешением которых он будет биться всю жизнь.

Интересный материал, связанный с творческими исканиями Бабеля в ранний период, содержит и дошедшая до нас рукопись, публикуемая в настоящем издании. Эта рукопись с надписью на обложке: «Детство. II. У бабушки. Саратов. 12.11.15», представляет собою законченный отрывок из воспоминаний молодого автора о недавнем детстве, о субботнем дне, проведенном маленьким гимназистом в гостях у бабушки. Рассказ как бы предваряет позднейший автобиографический цикл произведений Бабеля («В подвале», «Пробуждение» и др.).

Автор воспроизводит лишь один день из жизни своего героя, но за бесхитростным описанием незначительных будничных фактов встает картина целого социально-психологического мира. Выразительными штрихами намечен характер бабушки — суровой деспотической старухи, признававшей во всем мире лишь «своего сына, внука, собаку Мямку и цветы». За свою долгую жизнь, сопровождавшуюся тяжелыми ударами судьбы, она совершенно изверилась в людях, в их честности и бескорыстности. Она убеждена, что человек человеку — волк, и стремится внушить внуку уроки этой страшной морали. «Учись, — вдруг говорит она с силой, — учись, ты добьешься всего — богатства и славы. Ты должен знать все. Все будут падать и унижаться перед тобой. Тебе должны завидовать все. Не верь людям. Не имей друзей. Не отдавай им денег. Не отдавай им сердца». Жестокая бесчеловечность этого наиздания еще не до конца понятна мальчику, но она пугает и угнетает его.

С большой силой переданы в рассказе детские переживания героя, связанные с чтением тургеневской повести «Первая любовь», с восприятием того эпизода, когда отец Владимира бьет Зинаиду хлыстом. Воображение мальчика настолько потрясено, что он физически ощущает себя участником действия, жертвой избиения («Я слышал свист хлыста, его гибкое кожаное тело остро, больно, мгновенно впивалось в меня. Меня охватывало неизъяснимое волнение. На этом месте я должен был бросить чтение, пройтись по комнате...»). Такая обостренная эстетическая восприимчивость, как и повышенно зоркая наблюдательность (мальчик жадно впитывает в себя и запоминает во всей конкретности впечатления от городских улиц, от бабушки и ее комнаты, от всей окружающей обстановки), позволяет уже предвидеть в герое рассказа будущего писателя.

Ко времени написания «Детства» относится, по-видимому, также черновик незаглавленного рассказа, начинающийся фразой: «Три часа дня». Рассказ не отделан и не имеет конца: последние листы отсутствуют. Но сохранившиеся в архиве писателя страницы написаны уверенной рукой, они говорят о поисках динамичной новеллистической формы и о первом тесном соприкосновении Бабеля со стихией юмора. Богатый священник о. Иван в сопровождении своего арендатора Янкеля едет в город выручать сына, попавшего в неприятную историю. С первых же строк намечается

юмористическая коллизия, лежащая в основе рассказа: «Эксплуатация, — говорит поп Иван, — стонем, вздыхаем. Опутаны кровососными пауками... Обратите ваше внимание, доктор медицины — иудей, купец, занимающийся торговлей и промышленностью, — иудей, малолетнему сыну репетитор по научным предметам — иудей...» В дальнейшем оказывается — и в этом состоит комизм рассказа, — что «эксплуататором» о. Ивана выступает щедедушный еврей Янкель, который тащит за своим хозяином тяжелые чемоданы, покорно ему прислуживает, утешает в постигших невзгодах, хлопочет у следователя и в конечном счете попадает в положение батюшкиного благодетеля и избавителя. Хотя конец рассказа оборван, нетрудно догадаться, что Янкель должен спасти поповского сына, находящегося под судом, и таким образом довести до кульминации комическое несоответствие между «эксплуатируемым» и «эксплуататором».

Сопоставляя рассказ с другими ранними произведениями Бабеля, можно проследить, как складывалась его индивидуальная манера, достигшая подлинной зрелости лишь в послереволюционный период. С одной стороны, Бабель овладевает приемами бессюжетного лирического повествования, насыщенного точными психологическими деталями, образующими как бы второй план. С другой, разрабатывается жанр «фабульного», напряженного рассказа с увеличенной нагрузкой на речь персонажей. На диалогах построен в значительной мере и разбираемый рассказ. При этом Бабель тяготеет к гротесковой речевой характеристике, к сгущенным, афористически звучащим формулам. «Горе... прамо лвы, а не чемоданы», — в этой реплике Янкеля, согнувшегося под тяжестью батюшкиного багажа, слышна уже интонация «Одесских рассказов».

Несмотря на отдельные находки и удачи, дооктябрьское творчество Бабеля не представляет большой и самостоятельной художественной ценности. Оно интересно главным образом лишь в свете будущих исканий и достижений писателя. В ранних произведениях сказывались также отсутствие широкого идейного кругозора, незрелость мировоззрения, малый жизненный опыт Бабеля, попавшего в Петроград вскоре после окончания коммерческого училища. Большие социальные вопросы не будили творческого воображения начинающего автора. Политика занимала его тогда неизмеримо меньше, чем литература. В очерке «Одесса» он замечал, например, что «поодаль от широкого моря дымят фабрики и делает свое обычное дело Карл Маркс», но идеи революционного переустройства мира оставались для него далекими.

Вспоминая о времени своего сотрудничества в «Летописи», Бабель рассказывает, что все, написанное им тогда, он относил Горькому: «Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец, мы оба устали, и он сказал мне глуховатым своим басом:

— С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте-ка посему в люди...»⁷

Дальнейший период жизни Бабеля обозначен в его автобиографии и мемуарах как временная — на семь лет — разлука с литературой, пока за годы странствий он многому не научился и не попытался вторично испробовать свои силы на литературном поприще. Хотя, как мы вскоре увидим, этот отказ от писательской работы не был столь категоричным, Бабель действительно несколько отошел от литературы, чтобы «в людях», в бурных событиях революционной современности обогатиться жизненным опытом и найти свое место в борьбе, «определиться» идейно и художественно. Его взгляды на жизнь в то время еще не сформировались, идеалы были туманны и противоречивы. «Я представлял тогда собой румяную, пухлую и непребродившую смесь толстовца и социал-демократа»⁸, — вспоминал он впоследствии, иронически оценивая свою литературную юность. Что такая оценка была во многом справедлива, свидетельствуют некоторые выступления Бабеля в 1918 г., связанные с его участием в горьковской газете «Новая жизнь».

Как известно, Горький в тот период допустил серьезные политические ошибки, был далек от правильного понимания Октябрьской революции. Это отчетливо проявилось в его статьях, опубликованных в «Новой жизни», где сотрудничал и Бабель. Очерки последнего, печатавшиеся в газете за подписью Баб-Эль и посвященные главным образом современному быту, весьма односторонне отражали жизнь революционного

Петрограда. Нужда, запустение, разруха, проявления дикости и произвола — вот на чем сосредоточено основное внимание в этих беглых зарисовках, публиковавшихся обычно под общим заголовком «Дневник». Правда, автор «Дневника» отмечал ростки нового, созидательные акты молодой Советской власти, проявления подлинно социалистической заботы о трудящихся. Но и здесь подчас давал себя знать тот неустойчивый, расплывчатый, пассивный гуманизм, против которого несколько лет спустя Бабель выступил в «Конармии». Приветствуя, например, открывшийся в то время Дворец материнства, куда «пришли первые восемь матросских и рабочих жен», Бабель писал:

«Вскинуть на плечо винтовку и стрелять друг в дружку — это, может быть, иногда бывает неглупо. Но это еще не вся революция. Кто знает — может быть, это совсем не революция.

Надобно хорошо рожать детей. И это — я знаю твердо — настоящая революция»⁹.

Как далеко это двусмысленное утверждение от железной формулы автора «Конармии»: «— Она не может не стрелять, Гедали... потому что она — революция...».

Для того чтобы навсегда расстаться с наивными мечтами о «сладкой революции», Бабель должен был пройти суровую жизненную школу, стать не зрителем, а участником происходящей борьбы. Хотя его очерки в «Новой жизни» были слабо связаны с политикой и во многом являлись результатом юношеской незрелости, к нему в какой-то мере применимы те критические замечания и советы, которые В. И. Ленин высказывал тогда Горькому. Известно, что Ленин настоятельно рекомендовал заблуждавшемуся писателю радикально изменить обстановку, среду, местожительство и занятие, отойти от мелочных, односторонне-отрицательных впечатлений «бывшей» столицы, наблюдать ростки нового «внизу» — в провинции, в деревне, на фабрике, в армии. Подобные перемены и произошли в жизни Бабеля. Его «странствия» в этот период — работа в Чека, участие в продовольственных экспедициях, служба в Северной армии, в Первой Конной армии, в Одесском губкоме и т. д. — сыграли огромную положительную роль в развитии его мировоззрения и дарования. Именно этим путем пришел он к «Конармии».

Среди произведений Бабеля, предворяющих эту книгу, следует вспомнить цикл рассказов, написанных до его участия в знаменитом походе Первой Конной и опубликованных в июне 1920 г. в одесском журнале «Лавра»: «На поле чести», «Дезертир», «Семейство папаши Мареско», «Квакер». Эти миниатюры интересны уже тем, что в них впервые Бабель разрабатывает батальную тему, хотя написаны они на французском материале и посвящены мировой войне. Война здесь показана как зло, она губит молодые человеческие жизни, законы ее суровы и безжалостны. Капитан Жемье собственноручно расстреливает двадцатилетнего солдата Божю, потому что тот устал воевать и хотел вернуться к матери и невесте. Погибает позорной смертью деревенский дурачок Биду, боявшийся подняться в атаку. Ужасы и бессмысленность войны переданы в эпизоде с крестьянином Мареско, принесшим в мешке останки жены и детей, погибших при бомбардировке. Он пришел похоронить их в семейном склепе, но склеп оказался разрушенным снарядами и занятым под оборонительный пункт. Война не обошла и кладбище, она потревожила даже вечный покой мертвых.

Рассказы, написанные с подчеркнутой сдержанностью, протокольной сухостью и бесстрашием, насыщены внутренним драматизмом. Пусть Биду — только деревенский дурачок, но он человек, и оттого в словах, заключающих его историю, звучат боль, жалость, сострадание: «Так умер Селестин Биду, нормандский крестьянин, родом из Ори, 21 года — на обгаренных кровью полях Франции». С нескрываемой иронией обрисован хладнокровно расстрелявший солдата капитан Жемье с его «тихим и душевным голосом». Автор с деланным восхищением характеризует капитана как «превосходного человека и к тому же философа», который «любил Францию с нежностью, пожиравшей его сердце», а «в частной жизни умел прощать маленькие обиды».

Резкие контрасты характеров и сюжетов, диссонансы между содержанием и интонацией повествования, выразительная сдержанность авторской речи — все это найдет развитие в «Конармии». Но пока что Бабель не создает героических образов, а всякого рода контрасты, доходящие порой до гротескной остроты, играют в его рассказах в ос-

новном разоблачительную роль. Это вполне закономерно, поскольку изображенные здесь события мировой войны настраивали писателя отнюдь не на героический лад. Само название «На поле чести» здесь звучало издевкой, так же как другие высокопарные выражения, выдержанные в духе ура-патриотических штампов и приобретающие в мрачном «сниженном» контексте двусмысленный, пародийный характер. Понятно, что в рассказах этого цикла отсутствуют и какие бы то ни было элементы романтического стиля. Они написаны «голой прозой». Романтизм придет к Бабелю позднее — вместе с изображением героики гражданской войны.

Публикация этого цикла в журнале «Лав» сопровождалась следующим авторским заявлением: «Печатаемые здесь рассказы — начало моих заметок о войне»¹⁰.

Других «заметок о войне», продолжающих цикл, опубликованный в «Лаве», однако не последовало. Можно предполагать, что продолжение этих «заметок» приобрело совершенно иной характер в связи с участием Бабеля в гражданской войне и его обращением к делам и людям Первой Конной. Уже в июне 1920 г. (может быть, и раньше, но в данном случае мы имеем документальное подтверждение) Бабель всецело захвачен новым, открывшимся ему жизненным материалом, несравненно более ярким, чем все, о чем он писал до сих пор. Об этом говорят дневниковые записи, которые он ведет в походных условиях и которые, наконец, непосредственно подводят к тому источнику, откуда появилась «Конармия».

Дневник Бабеля дошел до нас неполностью¹¹. В общей тетради, густо исписанной химическим карандашом (первая запись датирована 3 июня 1920 г., последняя сделана 15 сентября того же года), отсутствуют многие листы. Да и сам характер этого дневника, который велся в спешке, нерегулярно, от случая к случаю, не позволяет говорить о сколько-нибудь широком и полном охвате тех исторических событий, свидетелем которых был Бабель, принимавший участие в походе Первой Конной. Перед нами разрозненные записи, «поток впечатлений», в котором автор не излагает последовательно ход военных операций, а бегло фиксирует лишь какие-то личные наблюдения, помечая многие факты двумя-тремя словами, нередко играющими роль условного, «стенографического» значка, за которым стоит неведомая нам реальность. О многом здесь можно лишь догадываться, многое могло быть понятно лишь самому автору. Бабель не рассказывает о своей жизни, придерживаясь какой-либо ведущей логической нити, а закрепляет на бумаге попадающий в поле его зрения материал в бессвязном, хаотическом виде, избегая (или не успевая) его обрабатывать, отбирать, обобщать и намеренно сопрягая самые разные, порой случайные впечатления, идущие «подряд», через запятую, в естественном беспорядке. Но его походный дневник, не имеющий военно-исторической ценности и даже мало касающийся самой биографии Бабеля, очень интересен в литературном отношении, ибо представляет своего рода записную книжку писателя, столкнувшегося с новой действительностью и торопливо делающего пометки для каких-то дальнейших художественных изысканий. Потому, можно думать, он намеренно бессвязен в этом дневнике и легко отдается на волю «первых попавшихся» мелочей, ощущений, ассоциаций, оставляя свои наблюдения в сыром, нетронутом виде и как бы не решаясь касаться до времени этого потока, предназначенного сохранить на дальнейшее всю свежесть и непосредственность первого восприятия. Зато через все записи рефреном звучит намерение описать это когда-нибудь, воплотив в образы, и повсюду расставлены вехи и сделаны зарубки будущих произведений.

Мы находим здесь множество имен, фактов, красок, деталей, которые впоследствии — художественно преображенные — войдут в «Конармию». Здесь фигурируют Гришук, Прищепа, Дьяков и некоторые другие будущие герои Бабеля, протягиваются сюжетные нити к рассказам «Гedaли», «Вдова», «Эскадронный Трунов» и т. д. Вот, например, дневниковая запись 13 июля 1920 г., имеющая прямое отношение к будущему рассказу Бабеля «Начальник конзапаса»:

«Начальник конского запаса Дьяков — феерическая картина, кр(асные) штаны с серебр(яными) лампасами, пояс с насечкой, ставрополец, фигура Аполлона, корот(кие) седые усы, 45 лет, есть сын и племянник, ругань фантастична (<...> Дьяков, его любит команда, командир у нас геройский, был атлетом, полуграмотен, теперь <н.р.б. 1 сл.> кавалерии, генерал, Дьяков — коммунист, смелый старый буденновец.

ПОСВЯЩЕННЫЙ БАБЕЛЮ
СБОРНИК ИЗ СЕРИИ «МАСТЕРА
СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

Л., 1928

Обложка по рисунку Н. И. Альтмана

Встретился с миллионером, дама под ручкой, что госп(один) Дьяков, не встречался ли с вами в клубе. Был в 8 государствах, выйду на сцену, моргану.— Танцор, гармонист, хитрец, враль, живописнейшая фигура. С трудом читает бумажки, каж(дый) раз теряет их, одолела, говорит, канцелящина, откажусь, что без меня делать будут, ругань, разговор с мужиками, те разинули рты.

Тачанка и пара тощих лошадей, о лошадях».

Хотя «Конармию» нельзя назвать документальной книгой, она, как показывает дневник, имеет определенную фактическую основу, подвергшуюся серьезной творческой обработке. В частности, мы можем теперь с уверенностью сказать, что авторская датировка некоторых «конармейских» рассказов (ряд новелл в этой книге помечен июлем 1920 г., августом 1920 г. и т. д.), так же как указания на определенные географические пункты, — не плод фантазии художника и не только лишь средство придать произведениям «документальную» окраску. Эти «точные данные» в ряде случаев непосредственно восходят к тем впечатлениям, которые Бабель записывал в свой дневник, а впоследствии обрабатывал, многое меняя и достаточно вольно обращаясь с этим материалом, но сохраняя нередко его первоначальное «прикрепление». «Конармия» писалась не по горячим следам событий, а спустя несколько месяцев и даже лет (видимо, Бабель в основном над нею работал в 1921—1923 гг.), но «первый задел» был произведен на месте действия.

Однако дневник 1920 г. примечателен не только какими-то фактическими «совпадениями» с будущей книгой. Кое-где здесь уже просвечивает колорит некоторых рассказов, тот угол зрения на действительность, который характерен для Бабеля-художника. Его внимание, например, особенно привлекают экзотические сцены, следы и блестящие мировой истории, застывший религиозно-бытовой уклад еврейских местечек, традиции Речи Посполитой и казачества, все красочные пятна и контрасты многонациональной жизни, уходящей истоками в отдаленное прошлое, а теперь развороченной войной и причудливо переплетенной в пестром клубке событий. На страницах дневника, помеченных «7 августа, Берестечко», мы читаем:

«Памятный день. Утром — из Хотина в Берестечко <...> Труп убитого поляка, страшный труп, вздутый и голый, чудовищно <...> Исторические поля под Берестечком, казачьи могилы. И вот главное все повторяется — казаки против поляков, больше — холоп против пана. Местечко не забуду, дворы крытые, длинные, узкие, вонючие, всему этому 100—200 лет, население крепче, чем в других местах, главное — архитектура, белые водянисто-голубые домики, улочки, синагоги, крестьянки.

<...> Все дышит стариной, традицией, местечко насыщено кровавой историей еврейско-польского гетто <...>.

Древний костел, могилы польских офицеров в ограде, свежие холмы, давность — 10 дней, белые березовые кресты, все это ужасно, дом ксендза уничтожен, я нахожу старинные книги, драгоценнейшие рукописи латинские.

...Вечер в местечке. Костел закрыт. Перед вечером иду в замок графов Рациборских. 70-летний холостяк и его мать 90 лет. Их было всего двое, сумасшедшие — говорят в народе. Описать эту пару. Графский, старинный польский дом, наверное б<ольше> 100 лет, рога, старинная светлая плафонная живопись, остатки рогов, маленькие комнаты для дворцовых вверху, плиты, переходы, экскременты на полу, еврейские мальчишки, рояль Стейнвей, диваны вскрыты до пружин, припомнить белые легкие и дубовые двери, французские письма 1820 г. <...> Боже, кто писал, когда писали, растоптанные письма, взял реликвии, столетие, мать — графиня.

Рояль Стейнвей, парк; пруд.

Не могу отделаться — вспоминаю Гауптмана, Эльгу.

Митинг в парке замка, евреи Берестечка, тупой Винокуров, бегают детвора, вытирают ревом, евреи наматывают бороды, еврейки слушают о российском рае, международном положении, восстании в Индии».

Позднее все это войдет в рассказы Бабеля и получит дополнительное, романтическое освещение — пергамент папских булл и пожелтевшие листки женских писем, полуистлевшие ткани и развалины старых замков, тысячелетние курганы и поэтические соборы, предметы, имена, события польской, еврейской, украинской, русской культуры. В произведениях Бабеля картины гражданской войны зачастую достигают особых масштабов и красочной интенсивности за счет всякого рода исторических аналогий, национальных «смешений» и контрастов. Герои «Конармии» окружены «невиданным укладом» других народов, оваяны дыханием мировой истории, соприкасаясь с которой, фигуры конармейцев вырастают в мощные монументальные образы эпического склада.

В дневниковых заметках Бабеля нетрудно обнаружить и некоторые другие черты его писательской натуры: интерес к «странным» людям и запутанным судьбам, внимание к изнанке жизни, к ее прозаически-будничным мелочам, к «фантастике» быта и т. д. Например, сделанная на первой же странице дневника запись — «Любовь на кухне» — звучит вполне по-бабелевски.

Но несмотря на частую переключку дневника с мотивами, образами и самой манерой писателя, этот документ никак нельзя назвать черновиком «Конармии». И дело не только в том, что собранное здесь подверглось в дальнейшем очень сложной перетасовке, отбору, дополнению, обработке. Главное отличие дневника от позднейших рассказов заключается в том, что он «неконцептуален», т. е. не имеет общей идеи, ведущей мысли, которая организовала бы и подчинила себе всю массу сырых, до конца не осмысленных фактов.

Дневник сохранил для нас мучительные раздумья писателя о прошлом, настоящем и будущем, его искреннее стремление понять смысл того, что происходило на его глазах. «Течет передо мною жизнь, а что она обозначает?» — вопрошает он себя и не находит ответа. «Надо все это обдумать: и Галицию, и мировую войну, и собственную судьбу», — читаем мы в другом месте.

Сразу разобраться в сложных и зачастую противоречивых явлениях революционной действительности Бабелю было не легко. Прежние, «новожизненные», абстрактно-гуманистические суждения на то, что в революции приходится «вскинуть на плечо винтовку и стрелять друг в дружку», изживались медленно. Когда писатель очутился на переднем крае классовой борьбы, где большие и малые конфликты разрешались

одинаково остро, еще владевшие им иллюзорные пацифистские устремления не раз оказывались в разладе с логикой войны. «Неистребима людская жестокость», — записывает Бабель 1 августа 1920 г. «Ненавижу войну. Какая тревожная жизнь!» — признается он себе.

Однако уже здесь Бабель с восхищением отмечает «грозную силу» и «неизъяснимую красоту» конармейских полков, «великолепное товарищество» буденновцев: «Проходит бригада. Красные знамена, мощное спаянное тело, уверенные командиры, опытные спокойные глаза чубатых бойцов...». Как художник он уже тогда был покорен живописными фигурами командиров и комиссаров, в которых виделся ему подлинные герои эпохи. В то же время взор его внимательно фиксирует и теневые, неприглядные стороны военной действительности с ее безжалостностью, жестокостью, грубостью нравов. «Что такое наш казак?» — пытается понять мягкосердечный автор «Дневника» и останавливается в недоумении перед противоречивыми чертами: «Пласты: барахольство, удалство, профессионализм, революционность, звериная жестокость».

В «Конармии» уже содержится более развернутый ответ на поставленный вопрос, дается художественное осмысление всего этого пестрого потока впечатлений.

В критике не раз высказывалось предположение, что Бабель не ставил своей целью изобразить Конармию, что главное в книге — это автор и его мироощущение (статьи А. Воронского, В. Полянского, В. Полонского и др.)¹². Хотя это мнение было достаточно убедительно опровергнуто еще в 1933 г. Л. Плоткиным («Октябрь», 1933, № 3), отголосок его прозвучал недавно в статье А. Макарова, утверждавшего, что «Конармия» — «это книга о герое-рассказчике», что проблема интеллигенции и революции «составляла ее суть»¹³.

Нам представляется бесспорным, что Бабель задумывал и писал книгу не о себе, а о конармейцах. В этом, в частности, убеждают многочисленные заметки в его дневнике: «Описать наших солдат», «описать происхождение этих отрядов», «описать день — отражение боя, идущего в нескольких верстах», «главное — буденновцы, кони, передвижения и война». Многие из этих заметок осуществлены. О том же направлении работы свидетельствуют слова Бабеля, записанные Фурмановым: «Что я видел у Буденного — то и дал...»¹⁴.

Но изображая то, что он видел, Бабель был далек от хроникально-точного воспроизведения всех сторон и событий исторического похода Первой Конной. Он шел не путем всестороннего охвата действительности и равномерного ее изображения «в натуральную величину», а путем намеренного, нарочитого сгущения контрастов, подчеркнутого смещения пропорций, «сдвига» и столкновения каких-то крайностей в жизни и сознании народной массы. Революционная армия в его изображении — это совокупность самых разнородных, порой противоположных проявлений и индивидуальностей, пестрая «смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний». Сведенные вместе, эти герои и «барахольщики», подвижники и головорезы осуществляют великую историческую миссию — освобождение человечества, несут в своих обгаренных кровью руках высшую правду, грядущую счастливую жизнь. В этом Бабель видел моральное оправдание и этих людей и их действий. Задача «Конармии» — показать грозную силу, буйную ватагу, лихую казачью вольницу на службе революции — осуществляется средствами повышенно экспрессивного искусства: совмещение необузданной фантастики с документальностью, романтических образов с изображением самых грубых сторон действительности, резкая игра светотени, усиливающая до предела и прекрасное и безобразное в облике героев.

Подолгу вынашивая и упорно перерабатывая свои рассказы, Бабель доводил их до высокой степени совершенства. Тем более заманчивым представляется проникнуть в творческую лабораторию писателя, пройти путями становления рассказа от рождения замысла до реального его воплощения. Некоторые материалы рукописного наследия Бабеля могут нам помочь проследить, как создавалась «Конармия». Помимо дневника, это — планы и наброски отдельных рассказов, возникшие на основе дневниковых записей¹⁵. Отвечая на вопрос: «Как вы работали над своим произведением?» — Бабель вспоминал: «Во время кампании я написал дневник. К сожалению, большая часть его погибла. В дальнейшем я писал, пользуясь этим дневником...»¹⁶

Таким образом, дневник имел конкретную целевую установку — служить подспорьем в работе над задуманной книгой. В дальнейшем многие из дневниковых заметок получили развитие в планах и набросках (см. настоящий том, стр. 490—496).

28 июля 1920 г. Бабель отметил в дневнике: «Написать биографию начдива, военкома Книги и проч.». Автором двигал естественный интерес к личностям новых военачальников, вчерашних рабочих или пастухов, вознесенных революцией. Некоторый толчок (особенно — к стиливому оформлению замысла) могла дать биография начдива И. Р. Апанасенко, помещенная в армейской газете «Красный кавалерист», где работал и сам Бабель. В заметке говорилось, что Апанасенко Иосиф Родионович, уроженец Ставропольской губернии, «родился в бедной крестьянской семье, и до призывного возраста ему приходилось работать на помещиков и деревенских кулаков: пасти овец, лошадей и т. п., переноса всякие оскорбления, вплоть до мордобития, слыша самые мерзкие, отвратительные ругательства от заведывающих и т. п. слуг помещика. Так проходили юные годы тов. Апанасенко»¹⁷.

Содержание задуманного рассказа несколько конкретизируется в одном из набросков, получившем заглавие «Жизнеописание Апанасенки»: «Унтер-офицер. 4 Георгия. Сын свинопаса. Собрал деревню. Действовал на свой страх и риск. Соединился с Буденным. Астраханский поход. Послание к полякам, которое начинается так: „Сволочи!“ ... Составить послание».

Включенный в «Конармию» рассказ «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионича» построен по иному плану. Осталось заглавие с особым значением, но сместился акцент с изображения воинских подвигов героя на раскрытие обстоятельств, обусловивших его ненависть к угнетателям. В этом Бабель отталкивался от затронутых в газетной заметке мотивов созревания классовых чувств героя. Первоначальный замысел прояснился и получил новое содержание, подчиненное общей концепции книги. С той же дневниковой записью, очевидно, связаны эскизы «Коммунист и казаки», «День начдива», «Тимошенко», «Три военкома», к сожалению не завершенные.

Более богаты материалы к рассказу «Эскадронный Трунов»: заметки в дневнике, планы и ранние варианты. Образ главного героя раскрывается в нем в сопоставлении острых, противоречивых ситуаций: жестокого убийства пленных и благородной смерти ради спасения товарищей. В дневнике отмечены отдельные моменты сюжетной канвы рассказа. Под датой 14 июля 1920 г. упоминается имя американского летчика майора Фонт-ле-Ро, воевавшего на стороне белополяков. 30 августа 1920 г. Бабель записывает эпизод с десятью пленными, взятыми у станции Заводы, в котором появляются молодой статный поляк, с бачками, в вязаной фуфайке, и рабочий, жаждущий расправиться с пленниками. Особенно сильное впечатление произвела на Бабеля фигура бойца-рабочего с его яростной ненавистью к врагу. «Порубаю гадов и отвечать не буду!» — кричал он.

Очевидно, Бабель имел сначала намерение написать два разных рассказа. План одного из них изложен на листке:

«Сокаль. 1. На площади перед синагогой. Споры евреев. Казаки роют могилу. Труп Трунова. Тимошенко. Аэроплан? Евреев разогнал аэроплан, тогда я подошел к Тим(о-шенко). Одна фраза из письма Мельникова¹⁸: „И страдания посередь той армии принимаю“.

Порядок: Евреи. Аэроплан. Могилы. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют».

На двух других листках набросана сцена похорон, несколькими штрихами нарисован портрет героя в гробу: «Тело Трунова с приставленными ногами, начищенные сапоги. Голова на седле, стремени вокруг груди». В центре внимания — торжественность похоронного обряда, воздание почестей павшему за революцию бойцу: «Сюжет — речь военкома». Но уже здесь намечается тенденция к сочетанию возвышенного с комическим, так свойственная Бабелю. Отсюда упоминание о Трунове как о «всемирном герое» и сочиненная по всем правилам газетной риторики речь военкома.

В процессе работы часть материала — письмо Мельникова и намек на историю с белой лошадью — была исключена и вместе с цитатой из речи военкома вошла в самостоятельный рассказ «Продолжение истории одной лошади».

АФИША
АНТИФАШИСТСКОГО ВЕЧЕРА
В ПАРИЖЕ
С УЧАСТИЕМ И. Э. БАБЕЛЯ
16 ИЮЛЯ 1933 г.

Вечер был организован Обществом революционных писателей и артистов.

Среди выступавших И. Э. Бабель, Л. В. Никулин, Эгон Эрвин Киш, Луи Арагон, Поль Вайан Кутюрье. Справа надпись рукой Л. Никулина

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького,
Москва

ASSOCIATION des ÉCRIVAINS et ARTISTES RÉVOLUTIONNAIRES
13, Rue du Faubourg-Montmartre - PARIS 9
LE VENDREDI 16 JUIN 1933, à 20 h. 30
SALLE du GRAND-ORIENT, 16, Rue Cadet

SOIRÉE ANTIFASCISTE

sous la Présidence de

THEODOR PLIVIER

AUTEUR DES "GALÉRIENS DU KAISER"

ALLEMAGNE
PERSE
CHINE
URSS

vues par des Écrivains Révolutionnaires

I. BABEL L. NIKOULINE

Écrivains Soviétiques

EGON ERWIN KISCH

Écrivain Allemand

ARAGON Retour d'URSS

P. VAILLANT-COUTURIER

Écrivain Français

DISQUES de MUSIQUE { POPULAIRE CHINOISE
RÉVOLUTIONNAIRE ALLEMANDE

Lectures de Poèmes Inédits d'ARAGON

ENTRÉE : 5 frs -- 3 frs pour les Membres et Amis de l'A.E.A.R.

Антифашистский вечер
под председательством
Теодора Пливиера
с участием И. Э. Бабеля,
Л. В. Никулина, Э. Э. Киша,
Луи Арагона, Поля Вайана Кутюрье.
1933 г.

Другой рассказ остался в черновом варианте. Заглавие «Их было девять» родилось еще в дневнике. Центральным персонажем — воплощением жестокости выступает в нем не Трунов, а взводный Голов. Содержание рассказа было ограничено описанием расправы над пленными и сентенцией «очкастого» интеллигента Лютова: «Я ужаснулся множеству панихид, предстоявших мне». Но в таком виде рассказ противоречил основной, утверждающей идее книги, и Бабель переработал его. Так появился сложный и более глубокий образ Трунова, ставший в ряд славных героев «Конармии».

В дневнике не раз встречается фигура повозочного Грищука:

«21.VII. 20. <...> Описать Грищука».

«29.VII.20. <...> Грищук идет домой. Иногда он прорывается: „Я замученный“. По-немецки он не мог научиться, потому что хозяин у него был серьезный, они только ссорились, но никогда не разговаривали».

Грищук вызывал интерес писателя своей забитостью, покорностью судьбе, бросающейся в глаза непохожестью на лихих, своевольных конармейцев. С какой-то стороны он мог быть близок незлобивому Сашке-Христу и в этом качестве пополнить ряды персонажей книги.

Одна из заметок содержит сжатую схему рассказа: «Грищук. Белев, обморок Грищука. Две России. Уехал шесть лет тому назад. Приехал — что увидел. Монолог Грищука. Стыль». Но рассказ, хотя и был написан, в «Конармию» не вошел. Он был напечатан отдельно в одесских «Известиях»¹⁹.

Задуманный план был выполнен здесь только наполовину. Автор повествует о голодном обмороке повозочного и передает его рассказ о жизни в плену. Более глубокого развития тема эта не получила. Картины новой России в восприятии человека,

проведшего шесть лет на чужбине, Бабель не дал, и, возможно поэтому, образ Грищука не стал сколько-нибудь значительным. Вся его история заняла несколько строк в «Учении о тачанке».

Из знакомых по «Конармии» персонажей в заметках несколько раз встречается фамилия Конкина. В одноименном рассказе этот бравый комиссар, говорун и весельчак, оснащающий свою речь «заковыристыми» словечками, захватывает вдвоем с товарищем вражеский штаб с генералом. Судя по планам, этот эпизод входил частью в задуманный рассказ «Бой под Бродами». На нескольких листках изложена его фабульная основа: отступление, плутания, встречи. Одним из пунктов указано: «Бой под Клекотовым. Конкин. Смерть польского генерала». Осталось за героем и его довоенное цирковое ремесло «музыкального эксцентрика и салонного чревовещателя из города Нижнего». Об этом упоминается во фрагменте, где Конкин фигурирует как главное лицо еще одной интересной истории: «Карточка клоуна. Привет из Нижнего. Всемирно знаменитый чудо-клоун и парфорсный ездок-иностранец».

С самого начала была определена и речевая атмосфера, в которой по преимуществу раскрывался характер Конкина: «Никаких рассуждений. Тщательный выбор слов. Конкин — пословицы: бог не захочет, пузырь не вскочит. По бороде Авраам, а по делам хам. В грехах, как репьях. Кусают и комары до поры. Своя рогожа — чужой рожи дороже».

Выделившись в самостоятельное произведение, рассказ «Конкин» потерял связь с первоначальным замыслом. Место действия было перенесено из Клекотова под Белую Церковь. Изменилась форма повествования: в роли рассказчика выступает сам герой.

Бабель не использовал всего заготовленного материала, хотя некоторая часть его вошла в другие рассказы цикла. Так, одна из пословиц вместе с профессией парфорсного наездника в цирке досталась кучеру наддива Левке («Вдова»). Другой пословицей санитар Сойченко метко характеризует дезертира-дьякона («Иваны»). Отдельные мотивы и ситуации, зафиксированные в планах «Боя под Бродами», угадываются в других рассказах. В «Смерти Долгушова» — «Описание боя. Корочаев <...> Отбил от своих <...> Мое плутанье <...> Бой. Раненые на тачанке. Героизм казака. Стрелять буду. Смерть раненого».

В «Комбриге два» — «Буденный, Колесников, Гришин... Бой, рубка в безмолвии». (В дневнике этот эпизод дан более расшифрованно: «Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный бой — остановим польское наступление или нет. Буденный — Колесникову или Гришину: „Расстреляю!“ , они уходят, бледные, пешком <...> Огонь достигает высочайшей силы, в безмолвии происходит рубка».)

В «Замостье» — «Сплю в поле, привязав стремя к ноге... Лошади тащат людей».

Все эти детали в каждом конкретном случае подчинены различным смысловым задачам, в то время как в заготовках к «Бою под Бродами», насыщенных событиями, продуманных композиционно, целевая установка, общая идея не улавливается.

Один из рассказов «Конармии» начинается фразой: «Пробираюсь в Лешнюв, где расположился штаб дивизии. Попутчик мой по-прежнему Прищеп <...> По дороге он рассказывает о себе...»²⁰. Слово «по-прежнему» позволяет думать, что имя попутчика читателю уже известно. Однако упоминается оно единственный раз, только в этом рассказе. Можно объяснить это упоминание тем, что оно поддерживает внутреннюю взаимосвязь событий в книге и придает повествованию иллюзию последовательной достоверности. Но необходимость в таком объяснении отпадает при знакомстве с заметками. В листках с подробным конспектом рассказа «Демидовка» имя Прищепы встречается часто. Есть там и такая запись: «Едем с Прищепой, рассказ Прищепы...» Не за этими ли строками скрывается история «молодого кубанца, неутомимого хама, вычищенного коммуниста, будущего барахольщика, беспечного сифилитика, неторопливого враля», так красочно изложенная в «Конармии»?

Более обширные сведения об этом дает дневник, в котором описываются появление Прищепы, поездки с ним, его приключения. Несколькими штрихами схвачена пси-

хология этого персонажа: «Декоративен, башлык, прост, как трава, будет барахольщик, презирает Грищука за то, что тот не любит и не понимает лошадей».

В дневнике намечены сюжеты по крайней мере трех рассказов о Прищепе: «В Дубно», «Демидовка» и воспоминание о том, как он «собирал свое имущество по станице». Третий замысел осуществлен, над вторым Бабель работал, первый остался в дневнике.

В отличие от фактографичности дневниковых записей, в набросках «Демидовки» глубже и шире развернуты характеры членов семейства Ламбертов, Прищепы и рассказчика, определилась эмоциональная атмосфера действия («Начало рассказа — ночь за окнами местечка, дождь, обыски, ночь кишит безмолвными убийствами»), наметилась некая идейная коллизия. Возможно, рассказ должен был держаться на контрасте между устоявшимся традиционным бытом захолустного местечка и бурными волнами конармейского разлива. В религиозной семье в канун праздника читают «Плач Иеремии» — одну из самых скорбных библейских книг, повествующую о гибели Иерусалима, и эта далеко не случайная деталь подчеркивает обреченность векового патриархального уклада.

Изучение набросков и планов показывает, что «Конармией» не исчерпан жизненный материал, который Бабель намеревался запечатлеть в этом цикле. Так, среди персонажей, которым, если можно так выразиться, особенно «не повезло», следует назвать женщин. Мы не встретим в книге подлинных героинь, участниц гражданской войны. Их место заняла «эскадронная дама» Сашка. Но как обстояло дело с самого начала? Предполагал ли замысел «Конармии» иные возможности для изображения женщин на войне? На этот вопрос рукописные материалы позволяют ответить утвердительно. В бабелевском дневнике эта тема находит свое постоянное отражение. 24 июля 1920 г. Бабель записывает свои мысли, полные сострадания и несколько старомодной интеллигентской порядочности, такой уязвимой в условиях войны: «Боже, думаю я, женщины теперь слышат все ругательства, живут по-солдатски, где нежность?» Бытовые впечатления автора могли, разумеется, давать пищу подобным мыслям, но, работая над «Конармией», Бабель намеревался осветить «женский вопрос» гораздо шире.

На листке, озаглавленном «Жена Бахтурова», обозначено: «Начало — о женщинах в Конармии». Эти слова повторяются в тексте заметки трижды. На другом листке отмечен замысел ненаписанного рассказа: «Сестра. Ап. (анасенко). История русской женщины. Историю изложить по дням. Мораль?» Из этих записей еще неизвестно, что именно собирался Бабель рассказать о женщинах в армии, но из других явствует, что замечал он не только тех, кто «припускает жеребцов» и «хлопочет под всем эскадроном». Иные краски положены на портрет жены Бахтурова — «стройной», «смуглой казачки с бусами», в иной тональности выдержана беглая зарисовка походной жизни комиссара: «На стоянке — семейная обстановка, оба рослые сидят за столом, она готовит, Ив(ан) Иваныч, кони, денщики, экипажи, он в красных штанах и в рубашке».

Еще более определена фигура сестры в наброске «Будятчи». Хотя образ ее недостаточно развернут, но ясно, что речь идет о таком персонаже, который противостоял бы в «Конармии» развращенной Сашке: «Гордая сестра, хорошая организация медик(инской) помощи, в бригаде порядок». Реплика со стороны углубляет эту рекомендацию: «Сестра, как привет из России, там что-то свое, если такие женщины идут в армию. Новая армия, настоящая».

Но рассказа Бабель не написал.

От первоначальных замыслов остался лишь очерк «Ее день», помещенный в «Красном кавалеристе» и публикуемый ниже. В нем нарисован трогательный образ медсестры, которая, терпеливо перенося лишения войны, мужественно исполняет свой долг. Нравственно чистый облик девушки оказывает на окружающих благотворное влияние. «Вот они! — наши героические сестры! — восклицает автор. — Бойцы и командиры, уважайте сестер! Надо, наконец, сделать различие между обозными феями, позорящими нашу армию, и мученицами-сестрами, украшающими ее».

Планы и наброски к «Конармии» включают еще свыше 20 самостоятельных замыслов конармейского цикла рассказов. Мера разработанности их различна. Одни представлены протокольной записью, фиксирующей какие-то черты будущего

характера: «Ленин. Бунт души. Захотел к латышам. Его прощения». В других («Лабуня», «Приезд жены», «Говинский») продуман событийный порядок, очерчен сюжетный костяк, или же, напротив, акцентированы бессюжетность, философичность, лиризм («Книги»). Третьи доведены до степени полузавершенности, когда сквозь черновой текст проступают и очертания композиции рассказа и контуры основных действующих лиц, общий смысл целого («Чехи»).

Обзор всех этих материалов согласуется со свидетельством Д. Фурманова о том, что «Конармия» первоначально представлялась автору в значительно большем объеме и что работу над книгой Бабель не считал законченной: «Порешили, что до 15 января он даст мне всю книгу. А дело с ней так: глав до двадцати в общем написано, напечатано; двадцать — написано, но не напечатано, эти просто будут звеньями, цементом для других. Десять пишутся — эти главы большие, серьезные, в них будет положительное о коннице, они должны восполнить будут пробел... Всего пятьдесят глав»²¹.

Здесь же приводится высказывание Бабеля о своем произведении: «Вижу, что не дал я там вовсе политработника, не дал вообще многого о Красной Армии — дам, если сумею, дальше. Но уж не так оно у меня выходит солоно, как то, что дал. Каждому, видно, свое».

Писатель не осуществил своих намерений. Этому помешало, видимо, то обстоятельство, что, увлекшись новыми замыслами, Бабель несколько охладел к конармейской теме. В 1930 г. на заседании секретариата ФОСП Бабель говорил: «Я перестал писать, потому что все то, что было мной написано раньше, мне разонравилось. <...> И мне жаль, что С. М. Буденный не догадался обратиться ко мне в свое время за союзом против моей «Конармии», ибо «Конармия» мне не нравится»²².

Не следует преувеличивать самокритический смысл этого заявления и видеть в нем полную «переоценку ценностей», отречение писателя от своей лучшей книги. Но острая неудовлетворенность сделанным характерна для Бабеля, всегда стремившегося не задерживаться подолгу на достигнутом и идти дальше по пути новых творческих поисков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. Б а б е л ь. Рассказы. М., 1936; И. Б а б е л ь. Избранное. М., 1957.

² И. Б а б е л ь. Избранное. М., 1957, стр. 11.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Там же, стр. 284.

⁵ «Летопись». 1916, № 11, стр. 43.

⁶ Любопытно, что романтизм «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Тараса Бульбы» оказался созвучен будущему автору «Конармии» и «Одесских рассказов». Среди разнообразных традиций русской прозы XIX в. Бабелю особенно близки именно Гоголь и Лесков. С гоголевско-лесковской стилиевой традицией его связывали формы сказа и анекдота, гиперболизм, гротеск.

⁷ И. Б а б е л ь. Избранное. М., 1957, стр. 285.

⁸ Там же, стр. 283.

⁹ «Новая жизнь», 31 марта 1918 г., № 56.

¹⁰ «Лава», Одесса, 1920, июнь, № 1, стр. 10.

¹¹ Хранится у вдовы писателя, А. Н. Пирожковой.

¹² См. А. В о р о н с к и й. И. Бабель. — «Красная новь», 1924, № 5; Вал. П о л о н с к и й. Критические заметки. О Бабеле. — «Новый мир», 1927, № 1.

¹³ А. М а к а р о в. Разговор по поводу. М., «Сов. писатель», 1959, стр. 204, 202.

¹⁴ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1961, стр. 341.

¹⁵ Хранится у А. Н. Пирожковой.

¹⁶ Стенограмма выступлений на конференции-курсах молодых писателей национальных республик 30 декабря 1938 г. — Отдел рукописей ИМЛИ, фонд 43 (А. Н. Толстого), № 944/26.

¹⁷ Биография И. Р. Апанасенко. — «Красный кавалерист». Орган политотдела I Конармии РСФСР, 9 апреля 1920 г., № 95.

¹⁸ В «Конармии» — Хлебников.

¹⁹ И. Б а б е л ь. Грицук. — «Известия Одесского Губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета», 23 февраля 1923 г.

²⁰ И. Б а б е л ь. Избранное. М., 1957, стр. 70.

²¹ Дм. Ф у р м а н о в. Собр. соч., т. 4, стр. 340.

²² Отдел рукописей ИМЛИ, ф. 86, оп. 1, № 5.

ДЕТСТВО. У БАБУШКИ

По субботам я возвращался домой поздно, после шести уроков. Хожение по улице не казалось мне пустым занятием. Во время ходьбы удивительно хорошо мечталось и все, все было родное. Я знал вывески, камни домов, витрины магазинов. Я их знал особенно, только для себя и твердо был уверен, что вижу в них главное, таинственное, то, что мы, взрослые, называем сущностью вещей. Все мне крепко ложилось на душу. Если говорили при мне о лавке, я вспоминал вывеску, золотые потертые буквы, царапину в левом углу ее, барышню-кассиршу с высокой прической и вспоминал воздух, который живет возле этой лавки и не живет ни у какой другой. А из лавок, людей, воздуха, театральных афиш — я составлял мой родной город. Я до сих пор помню, чувствую и люблю его; чувствую так, как мы чувствуем запах матери, запах ласки, слов и улыбки; люблю потому, что в нем я рос, был счастлив, грустен и мечтателен, страстно неповторимо мечтателен.

Шел я всегда по главной улице, там было больше всего людей.

Та суббота, о которой мне хочется рассказать, приходилась на начало весны. В эту пору у нас в воздухе нет тихой нежности, так сладостной в средней России, над мирной речкой, над скромной долиной. У нас блестящая, легкая прохлада, неглубокая, веющая холодком страстность. Я был совсем пузырем в то время и ничего не понимал, но весну чувствовал и от холодка цвел и румянился.

Ходьба занимала у меня много времени. Я долго рассматривал бриллианты в окне ювелира, прочитал театральные афиши от а до ижицы, а однажды осматривал в магазине мадам Розали бледно-розовые корсеты с длинными волнистыми подвязками. Собираясь идти дальше, я наткнулся тогда на высокого студента с большими черными усами. Он улыбался и спросил меня: «Изучаете?» — Я смутился. Тогда он важно похлопал меня по плечу и покровительственно сказал: «Продолжайте в том же духе, коллега. Хвалю. Всех благ!» Расхохотался, повернулся и ушел. Я был очень сконфужен, поплелся домой и на витрины мадам Розали уже не заглядывался.

Этот субботний день полагалось проводить у бабушки. У нее была отдельная комната, в самом конце квартиры, за кухней. В углу комнаты стояла печь: бабушка всегда зябла. В комнате было жарко, душно, и от этого мне всегда бывало тоскливо, хотелось вырваться, хотелось на волю.

Я перетасил к бабушке мои принадлежности, книги, пюпитр и скрипку. Стол для меня был уже накрыт. Бабушка села в углу. Я ел. Мы молчали. Дверь была заперта. Мы были одни. На обед была холодная фаршированная рыба с хреном (блюдо, ради которого стоит принять иудейство), жирный, вкусный суп, жареное мясо с луком, салат, компот, кофе, пирог и яблоки. Я съел всё. Я был мечтателем, это правда, но с большим аппетитом. Бабушка убрала посуду. В комнате сделалось чисто. На окошке стояли чахленькие цветы. Из всего живущего бабушка любила своего сына, внука, собаку Мимку и цветы. Пришла и Мимка, свернулась калачиком на диване и заснула тотчас. Она была ужасная соня, но славная собака, добрая, разумная, небольшая и красивая. Мимка была мопсом. Шерсть у нее была светлая. До старости она не обрюзгла, не отяжелела, а осталась стройной и тонкой. Она у нас долго жила, от рождения до смерти, весь свой пятнадцатилетний собачий век, и любила нас, — это так понятно, а больше всех суровую и ко всему безжалостную бабушку. О том, какие друзья, молчаливые и скрытные, они были, —

я расскажу в другой раз. Это очень хорошая, трогательная и ласковая история.

Итак, нас было трое,— я, бабушка и Мими. Мими спала. Бабушка, добрая, в праздничном шелковом платье, сидела в углу, а я должен был заниматься. Тот день был тяжелым для меня. В гимназии было 6 уроков, а должен был прийти г. Сор<окин>, учитель музыки, и г. Л., учитель еврейского языка, отдавать пропущенный урок и пот<ом>, м<ожет> б<ыть>, м. Reussou, учитель французского языка, и уроки приходилось готовить. С Л. я справился бы, мы были старые знакомые, но музыка, гаммы — какая тоска! Сначала я принялся за уроки. Разложил тетради, стал тщательно решать задачи. Бабушка не прерывала меня, боже сохрани. От напряжения, от благоговения к моей работе у нее сделалось тупое лицо. Глаза ее, круглые, желтые, прозрачные, не отрывались от меня. Я перелистывал страницу — они медленно передвигались вслед за моей рукой. Другому от неотступно наблюдающего, неотрывного взгляда было бы очень тяжело, но я привык.

Потом бабушка меня выслушивала. По-русски, надо сказать, она говорила скверно, слова коверкала на свой, особенный, лад, смешивая русские с польскими и еврейскими. Грамотна по-русски, конечно, не была и книгу держала вниз головой. Но это не мешало мне рассказать ей урок с начала до конца. Бабушка слушала, ничего не понимала, но музыка слов для нее была сладка, она благоговела перед наукой, верила мне, верила в меня и хотела, чтобы из меня вышел «богатырь» — так называла она богатого человека. Уроки я кончил и принялся за чтение книги, я тогда читал «Первую любовь» Тургенева. Мне все в ней нравилось, ясные слова, описания, разговоры, но в необыкновенный трепет меня приводила та сцена, когда отец Владимира бьет Зинаиду хлыстом по щеке. Я слышал свист хлыста, его гибкое кожаное тело остро, больно, мгновенно впивалось в меня. Меня охватывало неизъяснимое волнение. На этом месте я должен был бросить чтение, пройти по комнате. А бабушка сидела недвижима, и даже жаркий одуряющий воздух стоял не шевелясь, точно чувствовал, что я занимаюсь, нельзя мне мешать. Жару в комнате все прибавлялось. Стала похрапывать Мимка. А раньше было тихо, призрачно тихо, не доносилось ни звука. Все мне было необыкновенно в тот миг и от всего хотелось бежать и навсегда хотелось остаться. Темнеющая комната, желтые глаза бабушки, ее фигурка, закутанная в шаль, скрюченная и молчащая в углу, жаркий воздух, закрытая дверь, и удар хлыстом, и этот пронзительный свист — только теперь я понимаю, как это было странно, как много означало для меня. Из этого тревожного состояния меня вывел звонок. Пришел Сор<окин>. Я ненавидел его в ту минуту, ненавидел гаммы, эту непонятную, ненужную визгливую музыку. Надо признать, этот Сор<окин> был славный малый, носил черные волосы ежиком, имел большие красные руки и красивые полные губы. В тот день под бабушкиным окном он должен был работать целый час, даже больше, должен был стараться изо всех. Все это не находило никакого признания. Глаза старухи холодно и цепко передвигались вслед за его движениями, оставались к нему безразличными и чужими. Бабушке были не интересны посторонние люди. Она требовала, чтобы они исполняли свои обязательства по отношению к нам, и только. Начали мы заниматься. Я-то бабушку не боялся, но битый час приходилось испытывать на себе усердие не в меру моего бедного Сорокина. Он чувствовал себя очень необычно в этой отдаленной комнате, перед мирно спящей собакой и враждебной, холодно следящей старухой. Наконец, он стал прощаться. Бабушка безучастно подала ему твердую, морщинистую большую руку и даже не шевельнула ею. Уходя, он зацепился за стул.

И. Э. БАБЕЛЬ С СЕСТРОЙ (М. Э. БАБЕЛЬ) И БАБУШКОЙ

Фотография, 1912 г.

Собрание А. Н. Пирожковой, Москва

Я выдержал и следующий час — урок господина Л., дождался минуты, когда и за ним закрылась дверь.

Наступил вечер. Зажглись в небе далекие золотые точки. Наш двор — глубокую клетку — ослепила луна. У соседей женский голос запел романс «Отчего я безумно люблю». Наши ушли в театр. Мне сделалось грустно. Я устал. Я так много читал, так много занимался, так много смотрел. Бабушка зажгла лампу. Ее комната сразу сделалась тихой; темная, тяжелая мебель мягко осветилась. Проснулась Мими, прошла по комнатам, пришла снова к нам и стала дожидаться ужина. Прислуга внесла самовар. Бабушка была любительница чаю. Для меня был припасен пряник. Мы пили помногу. В глубоких и резких бабушкиных морщинах заблестел пот. «Хочешь спать?» — спросила она. Я ответил: «Нет». Мы стали разговаривать. И вновь я услышал бабушкины истории. Давно, много лет тому назад один еврей держал корчму. Он был беден, женат, обременен детьми и торговал безакцизной водкой. Приезжал к нему комиссар и мучил его. Ему стало трудно жить. Он пошел к цадику и сказал: «Рабби, мне досаждают комиссар до смерти. Просите за меня

бога». «Иди с миром,— сказал ему цадик.— Комиссар успокоится». Еврей ушел. На пороге своей корчмы он застал комиссара. Тот лежал мертвым с багровым вздутым лицом.

Бабушка замолчала. Самовар гудел. Соседка все пела. Луна все слепила. Мими помахала хвостом. Она была голодна.

— В старину люди верили,— промолвила бабушка.— Было проще жить на свете. Когда я была девушкой — взбунтовались поляки. Возле нас был графский майонтек. К графу приезжал сам царь. У него гуляли по семеро суток. Я ночью бегала к графскому замку и смотрела в освещенные окна. У графа была дочь и лучшие в мире жемчуга. Потом было восстание. Пришли солдаты и выволокли его на площадь. Мы все стояли вокруг и плакали. Солдаты вырыли яму. Старику хотели завязать глаза. Он сказал «не надо», стал против солдат и скомандовал: «пали». Граф был высокого роста, седой мужчина. Мужики его любили. Когда его стали закапывать, быстро приехал гонец. Он привез от царя помилование.

Самовар потухал. Бабушка выпила последний, холодный уже стакан чаю, пососала беззубым ртом кусочек сахара.

— Твой дед,— заговорила она,— знал много историй, но он ни во что не верил, только верил в людей. Он отдал все свои деньги друзьям, а когда пришел к ним, то его сбросили с лестницы, и он тронулся умом. И бабушка рассказывает мне о моем деде, высоком, насмешливом, страстном и деспотичном человеке. Он играл на скрипке, писал по ночам сочинения и знал все языки. Им владела неугасимая жажда к знанию и жизни. В их старшего сына влюбилась генеральская дочь, он много скитался, играл в карты и умер в Канаде 37 лет. У бабушки остался один только сын и я. Все прошло. День склоняется к вечеру, и смерть приближается медленно. Бабушка замолкает, склоняет голову и плачет.— Учись,— вдруг говорит она с силой,— учись, ты добьешься всего — богатства и славы. Ты должен знать всё. Все будут падать и унижаться перед тобой. Тебе должны завидовать все. Не верь людям. Не имей друзей. Не отдавай им денег. Не отдавай им сердца.

Бабушка не рассказывает больше. Тишина. Бабушка думает о прошедших годах и печалях, думает о моей судьбе, и суровый завет ее тяжело — навеки — ложится на детские слабые мои плечи. В темном углу пышет зноем накалившаяся чугунная печь. Мне душно, мне нечем дышать, надо бежать на воздух, на волю, но нет сил поднять никнувшую <голову?>.

В кухне гремят посудой. Бабушка идет туда. Мы собираемся ужинать. Скоро я слышу ее металлический и гневный голос. Она кричит на прислугу. Мне странно и больно. Ведь так недавно она дышала миром и печалью. Прислуга огрызается. — «Пошлавон, наймичка, — гремит нестерпимо высокий голос с неудержимой яростью. — Я здесь хозяйка. Ты добро уничтожаешь. Вон». Я не могу вынести этого оглушающего железного крика. Через приоткрытую дверь я вижу бабушку. Ее лицо напряжено, губа мелко и беспощадно вздрагивает, глотка вздулась, точно вспухла. Прислуга что-то возражает. — «Уйди», — сказала бабушка. Сделалось тихо. Прислуга согнулась и неслышно, точно боясь оскорбить тишину, выползла из комнаты.

Мы ужинаем в молчании. Едим сытно, обильно и долго. Прозрачные бабушкины глаза неподвижны и куда они смотрят — я не знаю. После ужина она... *

* Фраза обрывается. Заключительный абзац написан на отдельном листке.

Больше я не вижу ничего, потому что сплю очень крепко, сплю молодого за семью печатями в бабушкиной жаркой комнате.

Саратов, 12.11.15.

Публикуется по черновому автографу, озаглавленному: «Детство. II. У бабушки». Хранится у вдовы писателя А. Н. Пирожковой.

ЕЕ ДЕНЬ

Я заболел горлом. Пошел к сестре первого штабного эскадрона дивизии. Дымная изба, полная чаду и вони. Бойцы развалились на лавках, — курят, почесываются и неистово сквернословят. В уголку приютилась сестра. Одного за другим, без шума и лишней суеты она перевязывает раненых. Несколько озорников мешают ей всячески. Все изощряется в самой неестественной, кощунственной брани. В это время — тревога. Приказ: по коням. Эскадрон выстроился. Выступаем.

Сестра сама взнуздала своего коня, завязала мешочек с овсом, собрала свою сумочку и поехала. Ее жалкое холодное платье треплется по ветру, сквозь дыры худых башмаков виднеются иззябшие красные пальцы. Идет дождь. Изнамогающие лошади едва вытаскивают копыта из этой страшной засасывающей липкой вольнской грязи. Сырость пронизывает до костей. У сестры — ни плаща, ни шинели. Рядом загремела похабная песня. Сестра тихонько замурлыкала свою песню — о смерти за революцию, о лучшей нашей будущей доле. Несколько человек потянулось за ней, и полилась в дождливые осенние сумерки наша песня, наш неумолкающий призыв к воле.

А вечером — атака. С мягким зловещим шумом лопаются снаряды, пулеметы строчат все быстрее, с лихорадочной тревогой.

Под самым ужасным обстрелом сестра с презрительным хладнокровием перевязывала раненых, тащила их на своих плечах из боя.

Атака кончилась. Опять томительный переход. Ночь, дождь. Бойцы сумрачно молчат, и только слышен горячий шёпот сестры, утешающий раненых. Через час — обычная картина — грязная темная изба, в которой разместился взвод, и в углу при жалком огарке сестра все перевязывает, перевязывает, перевязывает...

Брань густо висит в воздухе. Сестра, не выдержав, огрызнется, тогда над ней долго хохочут. Никто не поможет, никто не подстелет соломы на ночь, не приладит подушки.

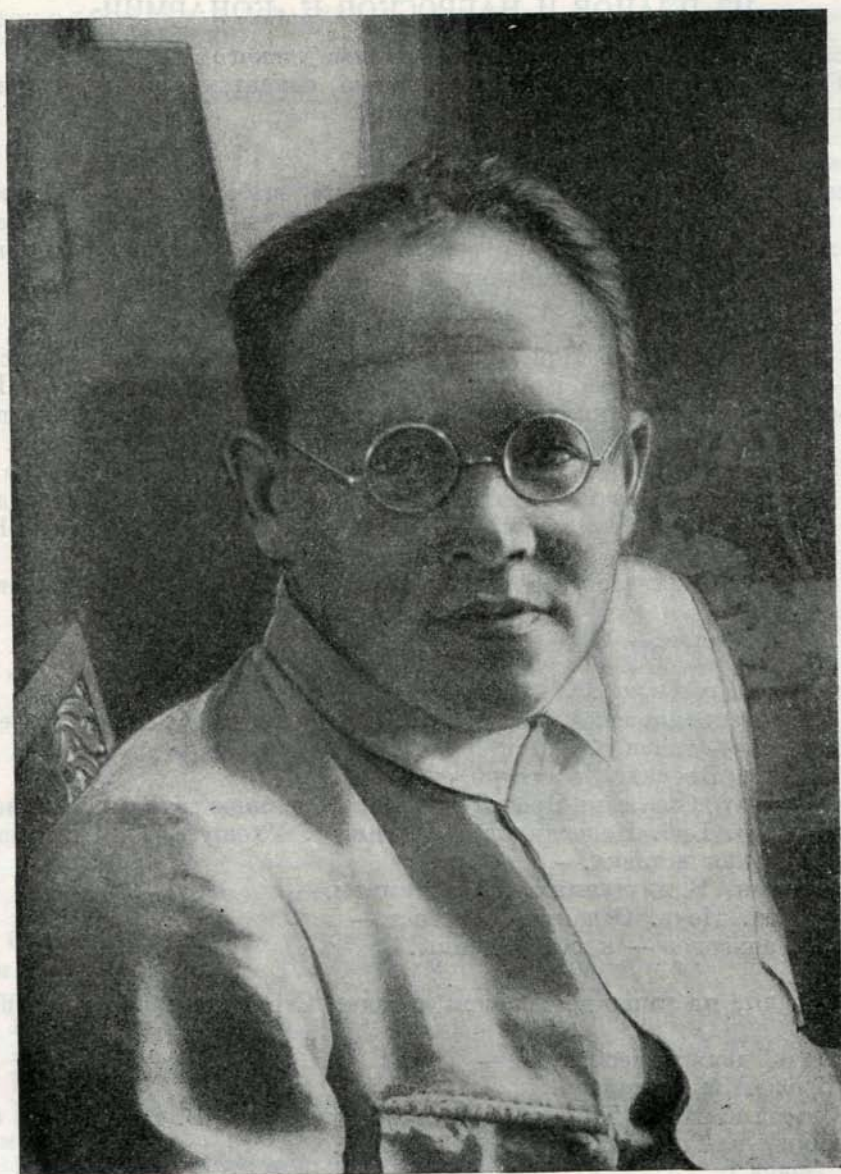
Вот они, наши героические сестры! Шапку долой перед сестрами! Бойцы и командиры, уважайте сестер! Надо, наконец, сделать различие между обозными феями, позорящими нашу армию, и мученицами-сестрами, украшающими ее.

Впервые опубликовано за подписью К. Лютов в газете «Красный кавалерист». Орган политотдела I Конармии РСФСР, 1920, № 235, 19 сентября.

По свидетельству друга Бабеля И. Л. Лившица, писатель ушел в Первую Конную армию Буденного с документами на имя Кирилла Васильевича Лютова. Так же зовут и героя-рассказчика в «Конармии». Этим псевдонимом писатель воспользовался еще раз, в 1922 г., во время работы в «Заре Востока» (Тбилиси), где за подписью К. Лютов был им опубликован ряд очерков: «В доме отдыха», «Без родины», «Письма из Аджарии», «В Чакве», «Абхазские письма» и др.

Очерк представляет собой единственный обнаруженный образец публицистики Бабеля, относящейся ко времени его участия в польском походе Буденного.

Работа Бабеля в этот период в газете нашла отражение и в рассказах конармейского цикла.

БАБЕЛЬ

Фотография, 1926 г. (?)

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Москва

ИЗ ПЛАНОВ И НАБРОСКОВ К «КОНАРМИИ»

Бой под Бр<одами> Возв<ания> Пильс<удского> 2.

Убитые, зарубленные, солнце, пшеница, солдатские книжки, листки Евангелия ¹. — Воззвание Пильсудского?

Бой под Бр<одами>.

Никаких рассуждений. — Тщательн<ый> выбор слов. — Конкин — пословицы: Бог не захочет, пузырь не вскочит. — По бороде Авраам, а по делам хам. — В грехах, как репьях. — Кусают и комары до поры. — Своя рогожа — чужой рожи дороже ².

Бой под Бр<одами>.

1. Уход из Белавцев. Бой под Бродами. — Я перевязываю. — Описание боя. — Корочаев. Смерть раненого на моих руках. Радзивиллов. Иван убивает лошадь, всадник убегает. — На мосту. — Жалко простокваши ³.

2. Отъезд из Брод. Нетронутый паровой гарнитур. Экономия. Выхожу по естественной нужде... Труп. Блещущий день. Все усеяно трупами, совершенно незаметными среди ржи. — Возвания Пильсудского. — Бой, рубка в безмолвии. — Начдив. — Отдаляюсь. Почему? Не в силах вынести ⁴.

3. Плутания. Вначале я попал... (надписано: Конкин). Конюшково. — Сестра. —

4. Радзивиллов. —

Бой под Бр<одами>.

1. На радзивилловском шоссе. Бой. В Радзивиллове. Ночь. Передвижение коней — главное.

2. Ночь в Бродах. За стеной синагоги.

3. (Коротко). Отъезд из Брод. Труп. Поле, усеянное трупами. Возвания Пильсудского. Бой. Колесников и Гришин ⁵. Ухожу. — Раненый взводный. Отдельная вставка. —

4. Конкин. В плутаниях. — Антисемиты. —

5. Сестра. Ночь. Отчаяние. Рассвет. —

Форма эпизодов — в полстраницы.

Бой.

1. Раненые на тачанке. Героизм казака. Стрелять буду. Смерть раненого.

2. Ночь, движущиеся кони. —

3. Броды. За стеной.

4. Отъезд из Брод. Трупы. Возвания Пильсудского. Начинается бой. Колесников и Гришин. Начало скитаний.

[5. Левка.]

[6. Конкин.]

7. Сестра. —

Бой под Бродами. II.

На тачанке Ивана. Раненые. Левка? Броды или Радзивиллов. Простокваша тапаче *.

Бой у Клекотова ⁶. Буденный с штабом. Отбился от своих. — Плутания с 4 дивиз<ией>. — Сестра. —

Конец боя. Новый начдив с свитой. К<онстантин> К<арлович> в Радзивиллове ⁷. Левка.

Главки? —

I. На тачанке Ивана. Смерть. — Описать раненых. — Буденный. Колесников. Гришин. — Плутания <...>

* не хватает (франц.)

ЛИСТОК С ЗАПИСЯМИ И. Э. БАБЕЛЯ

К «КОНАРМПИ»

Автограф

Собрание А. Н. Пирожковой
Москва

Вой под Бр.
1 На Радзивилловской тачанке. Вой
В Радзивиллов. Ночь. Радзивиллов.
мисконой — заливот.
2. Вой в Бродях. Ви сестра. Сено
ноги
3. (Коричко) Ог Крди Бр.д. Тр.м.н.
Палеусейное Радзивиллов. Вой
Начальник Пильсудского.
Вой. Кассеников и Радзивиллов.
Ужасу. — Радзивиллов. Вой.
4. Конкин. И плутания.
5. Сестра. Ночь. Братие.
Пусвет.
Человек тачанки. — на сестрице.
Вой.
1. Векель на тачанке. Герасим
Коричко. Сестра. Вой. Казар
раменного.
2. Ночь. Дивизия. Вой. Кони. —
3. Броды. И сено.
4. Крди Бр.д. Тр.м.н. Вой. Радзивиллов.
Пильсудского. Начальник. Вой. — Кони
Кассеников. Радзивиллов. — Кони
Сестра. — 7 Сестра. —

Сразу описание боя — пыль, солнце, детали, картина буденновского боя. — Подробности — убийство офицера и прочее. — Затем — у нас на тачанке, мертвецы. — Броды или Радзивиллов?

II. [Поле. Ожидание ночлега. Сестра. — Лошади тащат людей. —]

I. Уход из Белавцев. Бой под Бродами. На тачанке Ивана. —

II. Радзивиллов.

III. Заезд в Броды. Поле у Клекотова. Экономия. Поле, усеянное убитыми. Воззвания Пильсудского. — Встреча с начдивом. —

IV. Бой под Клекотовым. — Конкин. — Смерть польского генерала⁸.

V. Плутания с 4 дивизией. Ночь в поле. — Сестра-еврейка.

VI. В Радзивиллове. К(онстантин) К(арлович). Шеко.

3 августа. Бой под Бр(одами). Бой под Бродами. — Мое плутанье.

I. Сестра-еврейка. Что это такое? Сплю в поле, привязав стремя к ноге. Хочется убить повозочного! — Главное — о сестре. —

II. В Радзивиллове. — Визит Конст(антина) Карл(овича) и Тимошенки⁹. Бой кончился сменой комсостава.

III. Отдых. Новые люди. Ночь в поле. Лошади, привязан к стремене. — Ночь, кукуруза, сестра. Рассвет. — Без сюжета.

Диалоги. Бой под Бродами.

Привалы. Сено. Клуни. Кони. —

Сюжеты? —

Хитрый фельдшер.— Приезд на ночлег. Уход за лошадьми. Тащим сено у крестьян.—

Ночь.— Два часа отдохнули. На коней.— *Бой под Бродами*.— Украл уздечку.

Главу о Бродах — отдельными отрывками — отбил от дивизии, что это значит.—

Вася Рыбочкин ¹⁰.

Стиль — «В Белеве». — Короткие главы, насыщенные содержанием.—

Конкин. Застаю бригаду в ожидании. Представление у батюшки. Чего тебе, Масейка?— Известие за героя Василия Рыбочкина.— Приказ командарма. Другой Рыбочкин.— Плетит казака.— Потом из боя, золотые часы, сундуки, конь.— Приеду в Нижний, эх, запылю... Сестра милосердия на лошади. Стерва...— Заработал комиссар.— Карточка клоуна. Привет из Нижнего.— Всемирно знаменитый чудо-клоун и парфорсный ездок-иностранец.— Шествие отдалается.

Бой под Львовом.

По дням. Коротко. Драматически.— Включить — польская авиация. Милятин — Задвурдзе.

Польская авиация. Бой под Львовом.

Конармия отступает. Перед кем? Перед двадцатью аэропланами.

Секрет разгадан, лекарство найдено. Мошер был прав. Аэропланы действуют деморализующе.— Ранение Корочаева.— Письма майора Фонт-ле-Ро в штаб в Нью-Йорке.— В первый раз встреча с зап(адно)-европейской техникой.— Вылетают утром ¹¹.

Бой под Львовом.— Описать бой с аэропланами.— Потом рассуждение.— Бой. — Эскадрилья нас мотает, преследует нас, мы мечемся, переезжаем с места на место. Бой под Львовом.— Описать день.— Рассуждение после рассказа.— Две фазы войны.— Наши победы, бесплодие наших попыток, но неуспеха войны не видно ¹².

Броды

Я не выдывал города печальнее.— Истоки еврейства, печать на всю жизнь. Бродская синагога в Одессе, аристократия.— Вечер пятницы. Город — быстро обойти центр, разрушен. Окраины, еврейский город. — Описание синагог — главное ¹³.

I. У галичанина. Вежливая смерть.— II. Синагоги.— III. Ночь, за стеной.— Талмудисты.— Хасидизм с вытекшими глазами ¹⁴. Видение старины — за Белзского раввина и за Гусятинского ¹⁵. Люстры, старики, дети. Талмудисты.— Много я видел ночей, трясся в коридорах, но такой сырой, скучной, грязной ночи не видал.— Она сестра, он из интендантства.— В щелочку.— Ругань женщины.— История синагоги.— Узнать историю Брод.— Скрывают сухонького старичка — Белзского раввина.— ? — Без сравнений и исторических параллелей.— Просто рассказ.

Сокаль ¹⁶. На площади перед синагогой. Споры евреев. Казаки роют могилу. Труп Трунова. Тимошенко. Аэроплан? — Евреев разогнал аэроплан, тогда я подошел к Тим(ошенко). Одна фраза из письма Мельникова ¹⁷ — и страдания посередь той армии понимаю ¹⁸.

Порядок: Евреи. Аэроплан. Могила. Тимошенко. Письмо. Похороны Трунова, салют.

ОБЛОЖКА СБОРНИКА
«РАССКАЗЫ И. БАБЕЛЯ»

М., 1925

Первый сборник рассказов из цикла
«Конармия».

РАССКАЗЫ

И. БАБЕЛЯ

БИБЛИОТЕКА
«ОГОНЬКА»

№ 5.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ОГОНЕК»
МОСПОЛИГРАФА

Ортодоксы, раввин из Белза.— Проиграл я тебя, Саша.— Религиозное побоище, можно бы подумать восемнадцатый век, Илья-Гаон¹⁹, Баал-Шам²⁰, если бы казаки (описание) не рыли могилы.— Униатский поп, нога дугой.— Униатский поп, потрава, потрава, говорю я, есть дела поважнее, сейчас аэроплан, точка вдали, казаки — и выходить не надо будет. Помните Мельникова, белый жеребец, прошение в армии. Он кланяется и передает вам свою любовь. Тим<ошенко> пишет на крышке гроба, полевая книжка.

Сокаль 2.

Убирайтесь к свиньям с вашей потравой, тут дела поважнее есть.— Тело Трунова с приставленными ногами, начищенные сапоги.— Голова на седле, стремяна вокруг груди.—

— Проиграл я тебя, Пава.—

Очень просто, *фактическое изложение*, без излишних описаний.— Стать смирно. Хороним Павла Трунова. Военком, скажи слово. И военком произнес речь о власти советов, о конституции СССР и о блокаде.

Прошедшее время.

Помню, сказал Тимош<енко>, вот бы он теперь пригодился.— Хороним Павла Трунова, всемирного героя.— Военком, помани героя перед бойцами.—

Смерть Трунова.

И я поверил бы в воскресенье Илии²¹, если бы не аэроплан, который заплывал и т. д. Он бросал с мягким шумом бомбы, артиллер<ийские> запрятки.—

Аэроплан, казак из могилы — долаживаю вам, тов(арищ) начдив, возможная вещь, что здесь и останемся. Ясно — и пошел оправлять убитого. Седло, стремя, оркестры и делегации от полков. Хорошим Трунова, всемирного героя, слово для выражения имеет военком.

Тов(арищи), — ком(мунистическая) партия есть железная шеренга, бессчетно отдающая свою кровь в первом ряду. И когда из железа текет кровь, то это вам, товарищи, не шутейное дело, а победа или смерть ²². Сюжет — речь военкома.

Говинский.

Польский дезертир. Где еще такая армия? Приняли и сейчас же ко мне кучером. Он в потрясении, потом нахлестывает лошадей и поет во все горло.

Рев. глава. — Аф(онька) Бида. Поймали, хотели убить, главное, почему не убили? — потом забыли, потом вставили в список на довольствие. Сюжет — к(а)к Говинский был зачислен на довольствие ²³.

Пожар в Лашкове.

Галицийская культура. — Священ(ник) Шептицкий, описание икон, риз, бабье, как хоронят, церковь. — Апанасенко на пожаре, похож на Уточкина ²⁴. — Казаки рыщут. — Всю ночь комната моя освещена. — Мои хозяева в Лашкове. — Под окном кубанцы. — Тут же — оркестр — се-стра. Предложение? Галичане тушат отвратительно вяло, не умеют. — Сгоревшие лошади, обгоревшие коровы. — Апатия галичан. — Апанасенко. —

Коротко. — Сразу — пожар, Ап(анасенко), галичане, казаки. — Кучка у церкви, разговор с священником, граф на Шептицах. — Митрополит Галицкий.

1 страница. Миниатюра.

Книги.

Стиль, размер. — Кладбище в Козине... ²⁵

Имение Кулачковского, лошади в гостинной — перечень книг.

Поэма в прозе.

Книги — я захватил сколько мог, меня каждый раз зовут — не могу оторваться. — Скачем — бросаю каждый раз — кусок души — все бросил. — Центр — перечисление книг. — Книги и бой — Элоиза и Абельяр ²⁶. — Пьетро Аретино ²⁷. — Наполеон. — Анатолий Франс ²⁸.

Лешнюв 29.7.20.

Превратности кавкампании. — Дождь — победитель, галиц(ийское) местечко сквозь сетку дождя. — Ночь у Фроима. — Тревожная ночь. — Говинский и Грищук ²⁹. — Шоссе на Броды.

Просто описать ночь. Начало: ночь будет тревожная. Состояние ожидания и усталости ³⁰.

Милятын.

Сразу описание монастыря. — Ксендз. Похороны. Польша. — Корочаев. Вспоминание — два поход(ные). Жующие лошади, сквозит небо, лежим на сене. — Потом — у еврея. Корочаев держит себя, как помещик. — В еврее не было ничего от революционера. — Разжалованный начдив ³¹. — Потом звезда Корочаева — еврей, помощн(ик) командира эскадрона. — Книга. — Высокий неподвижный человек, грузный, как инспектор у Короленки ³², садится на диван, молчит, водка — немая

сцена — фигура за оградой, базилианский монастырь, монах в серой рясе, высокий, широкоплечий, перебирает четки, стою — заколдованный — потом в шум, грохот обозов. — Поляк, лежащий в гробу. — Два ординарца — один — Борисов, мягко расхаживает по двору, склонив голову, — другой — киргиз... Труп рассечен — раскрывается и собирают вновь. — Мне до того жалко польки — мне хочется быть изящным, галантным. — Возвращаются из боя — особое спокойствие, обычность посадки, профессионализм! ³³ Отдельно: Милятын, Корочаев <...>

Милятын 2.

Прислуга — крохотная коричневая уродливая полька — телочка с сосками, молодая мать. — Прохладная роскошь комнаты. — Пустые сжавшиеся соски.

Порядок. Душный, пыльный золотой вечер. — Обозы. — Сразу описание монастыря. Патер и его племянница, дороги в монастыре. — Хоронит тайком... Я пробираюсь в монастырь. Властный голос ксендза. (Не соблюдать непрерывности в рассказе.) Обряд похорон. — Смена приказа, прибытие казаков, я ухожу. — Казаки деловито возвращаются из боя. —

II глава — о Корочаеве. —

Прислуга у ворот — главное доверенное лицо.

Белев — Боратин.

Четырехдневный переход. Дневник. Простое длинное повествование. — Начать — прелестный переход? — видел, запомнил — переход в лесах с начдивом ³⁴, постой у немцев, потом у батюшки ³⁵. Полковой священник. — К(онстантин) Карлов(ич). Ночью в штабе... Штаб, символ... Бой под Сморгдой. — Моя болезнь. Ночь в Сморгде. Привал в Жабокриках. — Гришук. — Совещание в Козине.

Жизнеописание Апанасенки.

Унтер-офицер. 4 Георгия. Сын свинопаса. — Собрал деревню. Действовал на свой страх и риск. — Соединился с Буденным. — Астраханский поход. —

Послание к полякам, которое начинается так: сволочи. Составить послание ³⁶.

Лепин.

Бунт души. Захотел к латышам. Его прошение ³⁷.

Демидовка.

Коротко. — Обнаженный Прищепа. — Окровавленная свинья. — Барсуков. — Синагога. — Кухня. —

Едем с Прищепой, рассказ Прищепы, еврейское местечко, настораживаюсь (отец мой в Бродской синагоге ³⁸, окруженный купцами на хорах. Плачут женщины). Глухой отец. — Величественный старик. Тревожное величие глухих.

Спор Прищепы с гимназистом или с Идой Ароновной. —

Главы: Прищепа. — Старуха, молитва, свинья. — Ида Ароновна. Изнасилование. — Синагога. —

Форма? ³⁹

Демидовка.

Начало — описание семьи, анализ ее чувств и веры. — Как я все это узнаю? Повсеместное явление. (Их) политическое мировоззрение. Сирота в доме. — II. Наш приезд. Картошка, кофе. Спор Прищепы с юношей. Мой рассказ о Соввласти. — Вечер. Местечко за окнами. 9 Аба. ⁴⁰ — Разрушение Ерусалима. — Описание девушки из Кременца. В доме у *будущего*

тестя. На утро она — распатланная, посеревшая защищает телегу, разговор с комиссаром, Прищепа ходит вокруг нее и тискает, наши девушки варят свинину, кременецкая шьет. — Демидовские экстерны. — Зубной врач — гордость семьи. Описание семьи — отец старого закала, почтенный еврей, новые побег, <...>, прислушивается к новому, не мешает, мать-посредница, дети разъезжаются, живут, напоенные традицией, есть горбунья, есть гордая (зубной врач), есть пышная (замуж<няя>), одна, посвятившая себя семье и хозяйству, другая — акушерка, помогающая бабам, она состарится в Демидовке. — Описать каждую сестру отдельно. (Три сестры — Чехова?). — Лирическое вступление. — В эту-то семью, все еще не раскалывающуюся, приехали мы с Прищепой. — Нам прислуживает горбунья, потом к утру раскачалась и Дора Ароновна, как тяжело смотреть на сломленную женскую гордость. Красивая девушка, единственная красивая, поэтому так сложно выйти замуж — в ней смесь местечкового здоровья, евр<ейских> влажных, очень черных глаз, польского лукавства и варшавские туфли, ее эти всегда озабоченные родители зачали в простую веселую минуту, в остальных сложность, самолюбие — единственный сын, 16 лет, значит шесть лет войны, нервен, фантаст, любимый сын матери. — Плач Иеремии. — Сын читает, дочери лежат на кроватях, в белых чулках. — Все нам подносят. — О 9 Аба — построить на соответств<ии> молитвы и того, что за стеной. — Выстрелы — замок, пулеметчики с позиций, гуляет казачья. — Дора Ароновна — у нас праздник — бледнеет от гордости. — Прищепа — кровь проливаем. — Я рассказом увлекаю всех — дольше всех сопротивляется Дора Ароновна. —

I. Описание семьи. II. Картошка, скандал, мы едим, Прищепа с затуманенными от ласки глазами. — Они жалкие. Говорим о поляках, Дора Ароновна мечтает о З<ападной> Евр<опе>, она в Киеве была в кружках, я рассказываю небылицы, — Прищепа и гимназист. — Вечер. Погода пасмурная. Местечко невыразимо печально, кривой тесть, приходят пулеметчики, Пр<ищепа> любезничает с девушкой, гимназист идет в синагогу. — III. 9 Аба. — Плач Иеремии. Ночь на дворе. Утро. Пулеметчики уезжают, телега, девушка из Кременца. Гордость Иды Ароновны сломлена. — Что читают 9 Аба?

Просто. Коротко. Описание сырого вечера. — Описание местечка. — Испуг в синагоге. — Ухаживание Прищепы.

О пчелах. Рассказ? Фигура старика-чеха. Он погиб — искусанный ⁴¹.

День начдива. Собираательный день. Повествование.

I Француз. II. Торбочка из Совнархоза. III. Утро начдива. В штабе. Холуй начдива

Будятичи. Встреча с 44 див<изией>. Доктор, сестра <...> Гордая сестра, хорошая организация меди<инской> помощи, в бригаде порядок. Орлов. Катись дальше... В это время — элегантный Шeko. — Скандал с Орловым. Сестра, как привет из России, там что-то новое, если такие женщины идут в армию. Новая армия, настоящая. — Характеристика Орлова. Он выбрасывает вещи. — Они пакует вещи — культура — термос, плед, складные кровати.

* Черновые материалы к «Конармии», публикуемые под условным названием «Планы и наброски», сохранились на разрозненных листках, частично исписанных с обеих сторон. Они содержат краткие конспекты сюжетов, наметки композиции некоторых рассказов, отдельные важные детали, а также пометы для себя, для будущей работы над текстами.

И. Э. БАБЕЛЬ

Дружеский шарж неуставленного художника (тушь).

Париж, 1933 г.

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького, Москва

В примечаниях к «Планам и наброскам» использованы отрывки из дневника Бабеля периода польского похода. Эти дневниковые записи, с одной стороны, проясняют те или иные ситуации и имена, с другой, — помогают проникнуть в творческую лабораторию писателя, позволяя сопоставить различные стадии развития замысла. Многие эпизоды, характеристики, детали неоднократно перерабатывались, прежде чем вошли в «Конармию», причем нередко в ином контексте.

К сожалению, дневник, интересный для понимания фактической основы «Конармии», сохранился не полностью. Первая запись помечена 3 июня 1920 г., последняя — 15 сентября 1920 г. В середине тетради отсутствуют страницы 69—89, охватывающие период между 6 июня и 11 июля 1920 г.

Большая часть «Планов и набросков» относится к рассказам, о судьбе которых ничего не известно.

«Планы и наброски», как и дневник Бабеля, хранятся у вдовы писателя, А. Н. Пирожковой.

¹ В «Дневнике» от 3 августа 1920 г. имеется такое описание поля боя: «... страшное поле, усеянное порубленными, нечеловеческая жестокость, невероятные раны, проломанные черепа, молодые белые нагие тела сверкают на солнце, разбросанные записные книжки, листки, солдатские книжки, евангелия, тела в жите».

² Конкин — герой одноименного рассказа, действие которого, однако, происходит не под Бродями, а у Белой Церкви. Некоторые из приведенных пословиц использованы в других рассказах «Конармии».

³ На странице дневника, помеченной: «2 августа. Белавцы», — поперек текста сделана позднейшая надпись: «Бой за Броды».

В тексте: «Мне дают санитарную тачанку 2<го> эскадрона, подъезжаем к лесу, стоим с Иваном повозочником. Приезжает Буденный, Ворошилов, будет решит(ельный) бой, ни шагу дальше. Дальше разворачиваются все три бригады, говорю с комендантом штаба. Атмосфера начала боя, большое поле, аэропланы, маневры кавалерии на поле, наша конница, вдали разрывы, начался бой, пулеметы, солнце, где-то сходятся, заглушенное ура, мы с Иваном отходим, опасность смертельная, что я чувствую, это не страх, это пассивность, он, кажется, боится, куда ехать, группа с Корочаевым идет направо, мы почему-то налево, бой кипит, нас догоняют на лошади — раненые, смертельно бледный: братишка, возьми! — штаны окрашены кровью, угрожает нам стрелять, если не возьмем, ссаживаем, он страшен, куртку Ивана заливает кровь, казак.

остановись, буду перевязывать, у того легкая рана, в живот, кость повреждена, возьмем еще одного, у которого лошадь убили. Долго плутаем (описать раненого) под огнем по полям, ничего не видать. Эти равнодушные дороги и травка, посылаем верховых, выехали на шоссе — куда ехать, Радзивиллов или Броды.

В Радзивиллов должен быть административный штаб и все обозы, по моему мнению, в Броды ехать интереснее, бой идет за Броды. Победило мнение Ивана. Одни говорят, что в Бродах — поляки, обозы бегут, штаб выехал. Едем в Радзивиллов. Приезжаем ночью. Все это время ели морковь и горох — сырые, пронзительный голод, грязные, не спали. Я выбрал хату на окраине Радзивиллова.

Старик, девушка. Кислое молоко великолепно, съели, готовится чай с молоком. Иван идет за сахаром. Стрельба, грохот обозов, выскакиваем, лошадь захромала, так уж полагается, убегаем в панике, стреляют по нас, ничего не понимаем, сейчас поймает, мчимся на мост, столпотворение, провалились в болото, дикая паника, валяется убитый, брошенные подводы, снаряды, тачанки. Пробка, ночь, страх, обозы стоят бесконечные, двигаемся, поле, стали, спим. Звезды. Во всей этой истории мне больше всего жаль погибшего чая, до странности жаль. Я об этом думаю всю ночь и ненавижу войну. Какая тревожная жизнь».

⁴ «Дневник», 3 августа: «Начинается бой, мне дают лошадь. Вижу, как строятся в колонну, цепи идут в атаку<...> нет людей, есть колонны, огонь достигает высочайшей силы, в безмолвии происходит рубка. Я двигаюсь, слухи об отозвании начдива?

Начало моих приключений, двигаюсь с обозами к шоссе, бой усиливается, нашел пункт, на шоссе обстреляли, свист снарядов, разрывы в 20 шагах, чувство безнадежности, обозы скачут, я прибил к 20 полку 4 дивизии».

⁵ В «Дневнике» от 3 августа читаем: «Поле сражения, встречаю начдива, где штаб, потеряли Жолнаркевича. Начинается бой, артиллерия кроет, недалеко разрывы, грозный час, решительный бой — остановим польское наступление или нет. Буденный — Колесникову или Гришину — расстреляю, они уходят бледные пешком». Этот эпизод нашел отражение в рассказе «Комбриг два».

⁶ Бой, описанный в «Дневнике» 3 августа, происходил у дер. Клекотово близ Брод.

⁷ В «Дневнике» часто упоминается имя штабного работника Константина Карловича.

⁸ См. рассказ «Конкин».

⁹ В «Дневнике» от 14 июля: «Начдив Тимошенко в штабе. Колоритная фигура. Колосс, красные полукожаные штаны, красная фуражка, строен, из взводных, был пулеметчиком, арт. прапорщиком в прошлом. Легендарные рассказы...»

¹⁰ Встречается впервые. Обращением к неизвестному Василию начинается рассказ «Сын рабби».

¹¹ «Дневник» от 14 июля: «Хороша система Франк Мошер. Сбитый летчик-американец, босой, но элегантен, шея, как колонна, ослепительно белые зубы, костюм в масле и грязи».

С тревогой спрашивает меня, неужели я совершил преступление, воюя с Советской Россией. Сильно наше дело... Письмо майора Фонт-ле-Ро — в Польше плохо, нет конституции, большевики сильны, социалисты в центре внимания, но не у власти».

¹² Отдельные детали и ситуации вошли в рассказ «Эскадронный Трунов».

¹³ В «Дневнике»: «30 июля. Броды. ... Город разрушен, ограблен. Город огромного интереса. Польская культура. Старинное богатое своеобразное еврейское поселение. Эти ужасные базары, карлики в капотах, капоты и пейсы, древние старики, школьная улица, 96 (?) синагог, все полуразрушено...»

¹⁴ Фраза вошла в рассказ «Рабби».

¹⁵ Сцена религиозных споров сторонников раввина из Белзы с последователями густынского раввина включена в рассказ «Эскадронный Трунов».

¹⁶ Эта запись и все следующие, кончая словами «Сюжет — речь военкома», представляют собой первоначальный план рассказа «Эскадронный Трунов».

¹⁷ В «Дневнике» упоминается Парфентий Мельников.

¹⁸ Фраза вошла в «Продолжение истории одной лошади».

¹⁹ Еврейский религиозный деятель, гонитель секты хасидов. Жил в Вильно.

²⁰ «Баал-шемы» — в иудаизме знахари, торговавшие амулетами и талисманами и занимавшиеся изгнанием бесов».

²¹ См. прим. 19.

²² Перенесено в «Продолжение истории одной лошади».

²³ «Дневник» от 29 июля: «У меня новый кучер — поляк Говинский, высокий, проворный, говорливый, суетливый и, конечно, наглый парень».

²⁴ С. И. Уточкин (1874—1916) — известный русский авиатор.

²⁵ Рассказ из «Конармии».

²⁶ Пьер Абеляр (1079—1142) — французский средневековый философ, богослов и поэт. «Письма Абеляра и Элоизы» повествуют о трагической истории их любви.

²⁷ Пьетро Аретино (1492—1556) — итальянский писатель и публицист.

²⁸ В «Дневнике»: «31 (июля). Броды. Лешнюв. Утром перед отъездом на Золотой улице ждет тачанка, час в книжном магазине, немецкий магазин. Есть все великолепно».

ные неразрезанные книги, альбомы, Запад, вот он Запад, и рыцарская Польша, хрестоматия, история всех Болеславов, и почему-то мне кажется, что это красота, Польша, на ветхое тело набросившая сверкающие одежды. Я роюсь, как сумасшедший, перебегаю, темно, идет поток и разграбление канц. принадлежностей, противные молодые люди из трофейной комиссии архивного вида. Отрываюсь от магазина с отчаянием.

²⁹ В «Дневнике» часто упоминается повозочный Гришук.

³⁰ «В Галиции невыносимо уныло, разбитые костелы и распятая, хмурое небо... После тяжелого однообразного дня — дождливая ночь, грязь — у меня туфли. Вот и начинается — могущественный дождь, истинный победитель. Шлепаем по грязи, пронизывающий мелкий дождь» («Дневник» от 29 июля, Лешнюв).

³¹ В «Смерти Долгушова» упоминается Корочаев, «опальный начдив четыре».

³² Персонаж из «Истории моего современника» В. Г. Короленко.

³³ «Дневник» от 19 июля: «Картина боя, возвращаются кавалеристы, запыленные, потные, красные, никаких следов волнения, рубаки, профессионалы, все протекает в величайшем спокойствии, вот особенность, уверенность в себе, трудная работа...»

³⁴ «Дневник» от 16 июля: «Еду с начдивом, штабной эскадрон, скачут кони, леса, тропинки, красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон — одно тело <...> Описать — поездка с начдивом, небольшой эскадрон, свита начдива, Бахтуров, старые буденновцы, при выступлении — марш».

«Дневник» от 18 июля: «Едем тропинками с двумя штабными эскадронами, они всегда с начдивом, это отборные войска. Описать — убранство их коней, сабли в красном бархате, кривые сабли, жилетки, ковры на седлах, одеты убого, хотя у каждого по 10 френчей, такой шик, вероятно».

³⁵ Там же: «У попа объели на целый год. Погибает, говорят, он просится на службу, есть у вас полковые священники?»

³⁶ Ср. с «Жизнеописанием Павличенки, Матвея Родионича».

³⁷ Фамилия штабного работника Лепина встречается в дневнике.

³⁸ Синагога в Одессе.

³⁹ В «Дневнике» читаем: «23.7.20 <...> Дорога на Дубно. Еду с Прищепой, новое знакомство, кафтан, белый башлык, безграмотный коммунист...»

24.7.20 <...> Из Кривых с Прищепой еду в Лешнюв на Демидовку. Душа Прищепы — безграмотный мальчик, коммунист, родителей убили кадеты, рассказывает, как собирал свое имущество по станции. Декоративен, башлык, прост, как трава, будет бархольщик, презирает Гринюка за то, что тот не любит и не понимает лошадей. Едем через Хорупань, Сморова на Демидовку. Запомнить картину — обозы, всадники, полуразрушенные деревни, поля и леса, дубы, изредка раненые и моя тачанка.

В Демидовке вечером. Еврейское местечко <...>. Главные раздоры — сегодня суббота. Прищепа заставляет жарить картошку, а завтра поет 9 Аба... Зубной врач, бледнея от гордости и чувства собственного достоинства, заявляет, что никто не будет копать картошки, п<отому> ч<то> праздник. Долго мною сдерживаемый Прищепа прорывается <...> они все ненавидят нас и меня, копают картошку, боятся в чужом огороде, валят на кресты, Прищепа негодует. Как все тяжело — и Арцыбашев, и сирота-гимназистка из Ровно, и Прищепа в башлыке. Мать ломает руки — развели огонь в субботу, кругом брань. Здесь был Буденный и уехал. Спор между еврейским юношей и Прищепой. Юноша в очках, черноволос, нервен, алые воспаленные веки, неправильная русская речь. Он верит в бога, бог — это идеал, который мы носим в нашей душе, у каждого человека есть в душе свой бог, — поступаешь дурно — бог скорбит, эти глупости высказываются восторженно и с болью. Прищепа оскорбительно глуп, он разговаривает о религии в древности, путая христ<ианство> с язычеством, главное — в древности была коммуна, конечно, плетет без толку, ваше образование — никакого — и еврей — 6 классов Ровенской гимназии — говорит по Платонову — трогательно и смешно, — роды, старейшины, Перун, язычество.

Мы едим, как волы, жареный картофель и по 5 стак<анов> кофе. <...> 9 Аба. Старуха рыдает, сидя на полу, сын ее, который обожает мать и говорит, что верит в бога для того, чтобы сделать ей приятное, — приятным тенорком поет и объясняет историю разрушения храма. Страшные слова пророков — едят кал, девушки обещаны, мужья убиты, Израиль поднят, гневные и тоскующие слова. Коптит лампочка, воеет старуха, мелодично поет юноша, девушки в белых чулках, за окном Демидовка, ночь, казаки, все, как тогда, когда разрушали храм <...>

25.7.20. Утром отъезд из Демидовки. Мучительные два часа, евреек разбудили в 4 ч. утра и заставили варить русское мясо и это 9 Аба. Девушки полутолые и встрепающиеся бегают по мокрым огородам, похоть владеет Прищепой неотступно, он нападает на невесту сына кривого старика, в это время забирают подводу, идет ругань невероятная, солдаты едят из котлов мяса, она — я буду кричать, ее лицо <...> Она всячески отбивает подводу, они спрятали ее на чердаке, будет хорошая еврейка. Она препирается с комиссаром...

⁴⁰ 9 Аба — день, установленный для поста и траура в память падения Иерусалима и разрушения храма.

⁴¹ Ср. рассказ «Путь в Броды».